

А.ЦЕССАРСКИЙ
О ЧЕМ
ГОВОРИЛ
МАЛЬЧИК

РАССКАЗЫ

Рисунки
Л.РУБИНШТЕЙНА

МОСКВА „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ 1974

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ

Однажды, когда замечательный разведчик нашего партизанского отряда Николай Иванович Кузнецов был ранен и я уже готовился начать операцию, он вдруг отвел мою руку:

— Обезболивания не нужно, доктор!

— Почему? Будет тяжело, Николай Иванович...

— Все равно! Я вам не помешаю.

Во время операции он ни разу не застонал...

Вскоре Кузнецов стал поправляться, и тогда я спросил, зачем ему понадобилось так мучить себя.

— Хотел проверить,— ответил он,— если когда-нибудь придется испытать такую боль, вытерплю ли. Разведчику нужен твердый характер, доктор.— И, помолчав, добавил, улыбаясь: — А человек делает себе свой характер сам!

Вот о том, как создавали свои характеры те, кого я знал, кого встречал в жизни, я и написал эту книжку.

А. Цессарский

ВСТРЕЧА

Мы встретились с ним прошлым летом в Подмосковье.

Я в пионерском лагере. Я — гость. Жарко горит костер. Летят и тают искры. Широким полукругом расположились ребята. За ними внизу тяжело отсвечивает река. А на том берегу сквозь зеленые стволы ольхи пламенеет растекающееся по горизонту закатное солнце. Тихо и звонко кругом...

Я рассказываю о давно минувших днях Отечественной войны. О партизанских дорогах. О подвигах разведчиков на захваченной врагом земле. И так хочется передать ребятам главное, чем жили мы в те годы, что и сейчас переполняет сердце...

Странные люди эти взрослые. Никак не угомонятся! Ну, прожили жизнь. Ну, совершили кое-что. А им все мало.

Да, нам все мало. Нам непременно нужно, чтоб и после смерти жизнь наша продлилась. Чтоб дети наши продолжали любить нашей любовью и ненавидеть нашей ненавистью. Чтоб это стало частью их души.

И, когда это нам удастся, сердце человеческое утешается: нет забвения, нет смерти. «Но верю — не пройдет бесследно все, что так страстно я любил...»

Один мальчик слушал совсем не так, как другие. Не отрываясь, не шевелясь, он серьезно и даже

мрачно глядел на меня и о чем-то напряженно думал.

Я кончил. Ребята поблагодарили и стали расходиться. Но тот мальчик остался. Он стоял у догорающего костра и пристально смотрел на меня, словно ожидая. Было ему лет тринадцать, не больше.

Я подошел к нему:

— Ты хочешь о чем-нибудь спросить?

Он опустил голову.

— Что же ты... Спрашивай.

Он потупился еще больше. Потом неожиданно повернулся и медленно пошел прочь.

— Молчит? — улыбаясь, спросил старший вожатый. — Всегда так. Очень замкнутый мальчуган!

Я собрался уезжать. Но машина за мной еще не пришла. И в ожидании я присел на скамью у ворот лагеря. Старший вожатый ушел звонить в город. На короткое время я остался один. Вечерело. В тенистой, обсаженной липами аллее стало сумрачно. Но в конце аллеи еще ярко зеленела лужайка, и замыкавший ее дом с колоннами тепло розовел в последних отблесках солнца. Там шла веселая, шумная суета — пионеры готовились ко сну. Вот далеко на реке протяжно прогудел пароход, и лагерь, будто прислушиваясь, сразу затих.

И вспомнилось мне далекое детство. Наш первый, нищий, голодный пионерский лагерь. Наш первый гость — высокий человек в вышитой косоворотке, похожий на Тараса Шевченко, — красный партизан. Всего десять лет миновало тогда после гражданской войны. Он рассказывал нам о Григории Котовском. Рассказывал так живо, будто только вчера гнались они по пыльным шляхам, по ковыльным степям за бешеным батькой Махно. Как мы завидовали партизану! Как хотелось тоже вот так по-

качиваться в седле рядом с Григорием Котовским, когда по лунной дороге ехал он во главе отряда. И конь чутко прядал ушами. А в черной балке среди мохнатых кустов подстерегала бандитская пуля.

Тоскливо ныло в груди, оттого что мне этого никогда не испытать! Ведь мне было тогда всего двенадцать лет...

Шорох заставил обернуться. Рядом стоял тот самый молчаливый мальчик. Опустив голову, он исподлобья смотрел на меня и не говорил ни слова.

— Знаю, что ты собираешься сказать! — Я ободряюще подмигнул ему. — По себе знаю. Ты хочешь стать героем. Каким был разведчик Николай Кузнецов. Верно?

— Нет, — сказал он тихо и жалобно, — я не смогу. Я никогда не стану героем.

Это меня озадачило.

— Почему?

И вдруг мальчик заговорил. Заговорил торопливо, горячо. Обо всем, что мучило его. Чего не понимал. Что казалось недостижимым...

— Чего там! — с горечью заключил мальчик. — Видите, какой я... Наверное, героем нужно родиться!

Ответить мне не пришлось. У ворот затормозила машина. По аллее быстро шел вожатый, радостно кивая мне головой: в город я попаду вовремя.

Мальчик вскочил.

— Все! — упавшим голосом произнес он, отступил назад и исчез в кустах.

Я уехал, унося с собой его пытливый, требующий взгляд и вопросы, которые бередили его душу.

Я продолжаю наш разговор. Я отвечаю тебе, мой мальчик. Отвечаю, как умею, как знаю. Может быть, ты прочтешь эту книгу и она поможет тебе.

О чем говорил мальчик

Надо мной смеются за то, что я всех жалею. Девчонкой дразнят. Учительница немецкого языка у нас старенькая, плохо слышит. Вот Левкин выйдет к доске и при всем классе вслух скажет: «Глухая тетеря!» Она не разберет, улыбается на всякий случай, просит повторить. Он снова: «Глухая тетеря!» Класс хохочет. Она морщится, видно, переживает, что гложет, смотрит ему на губы: «Пожалуйста, скажи еще раз!» А он со спокойным лицом, громко: «Я сказал: «Гутен морген». Смелый! Я так не могу — вдруг она поймет, что над ней смеются. За глухоту!

А то еще первоклассников пугать начнут... Я даже лягушку жалею, когда ее мучают.

Соседка все твердит маме: «Что ты его так воспитываешь — всех жалеть! Пропадет».

Наверное, у настоящего героя сердце должно быть железное.

Г Р И Ш А

Первая стычка Гриши Воронихина с Боголеповым произошла шестнадцатого июля 1941 года. И я был тому свидетелем.

Мы с Гришей шли по гаревой дорожке московского стадиона на медицинское освидетельствование. Осмотр происходил в помещении под Северной трибуной, и мы, пока шли от Южной, успели кое о чем поспорить.

— Папы и мамы нас чересчур изнежили! — говорил Гриша, жмурясь от бившего в глаза солнца. — Видишь — мне жара не нравится, подавай мне тень и кипяченую водичку! У меня, видишь ли, сандалии в дырочках, чтоб ножкам не душно было! Меня, понимаешь, в школе на большой перемене саговой кашей закармливают. Так приелась — мясной котлетки хочется! А я сегодня — на фронт! Надену пудовые сапоги и пойду топать с полной выкладкой. Что же, маме жаловаться?! Или папу просить плечо подставить?!

Он остановился и загородил дорогу, тараща на меня свои близорукие глаза.

— Чего же ты хочешь! — возразил я. — Наши родители до революции голодали, были раздеты и разуты. Мы с тобой родились после двадцатого года, и им хочется, чтоб мы жили по-человечески. А по-твоему, нас должны специально растить впроголодь и оборвашками? Зачем это? Закаляться можно и здесь, на стадионе...

— Чепуха! — Гриша нетерпеливо передернул плечами. — Закалять надо не мясо, а душу!

— Вот как! — сказал я, насмешливо оглядывая его тщедушную фигурку и огромную шевелюру. Я был на год старше и поэтому считал себя значительно умнее. — Еще древние римляне подметили, что только в здоровом теле — здоровый дух...

В этот момент из помещения медицинского пункта выкатилась с топотом и криком толпа наших будущих однополчан во главе с Боголеповым. Это был здоровенный парень с лихим вороним чубом и черными, как пуговицы, глазами. В вытянутой руке он держал за хвост мышонка и, громко похохатывая, говорил:

— Солдату первым делом требуется быстрота!.. Ясно, понятно? Засим твердость руки и беспощадность к противнику. — Он любовно оглядел серого мышонка, который, болтаясь на хвостике, отчаянно выгибал спинку и перебирал в воздухе лапками. — Сейчас мы его... прекратим.

— Брось, Боголепов! — крикнул кто-то из толпы.

Но тот только выше поднял мышонка.

— Ни в коем разе, уважаемые собратья! Вам следует вытравить из себя интеллигентскую сырость. И несколько огрубить свои нервные волокна! Смотрите, я его сейчас раздавлю собственным сапогом на глазах у суровых воинов.

— Немедленно отпусти мышонка! — высоким, дрожащим голосом сказал Гриша.

Боголепов глянул на него через плечо:

— Детка, пока мы в штатском, вам извинительно не понимать, что я — старшина, а вы — зеленый укропчик, который может оказаться в моей роте, в роте лихих разведчиков. Как же вы будете резать ножом немецких часовых, детка?

Вокруг были растерянные лица таких же, как и мы с Гришей, юнцов. И нам всем было до слез жалко мышонка. Но мы стеснялись этого чувства, и кое-кто даже насильно криво улыбался. Гриша не улыбался. Внезапно он бросился с кулаками на Боголепова:

— Ты не смеешь! Не смеешь!

Но Боголепов посмел — он был сильнее.

А я испытывал завистливое почтение к этому старшине, чьи нервы достаточно огрубели, чтобы не жалеть мышонка.

На пороге появилась медсестра и выкрикнула:

— Воронихин Григорий, к доктору!

Гриша прыгающими руками надел очки и, в упор глядя на слегка побледневшего Боголепова, сказал:

— Не сомневайтесь, я непременно попрошусь в вашу роту! — и быстро пошел в медпункт.

Зимой 1941 года части Московского добровольческого комсомольского полка стояли на западных подступах к Москве. В один из первых дней декабря мотоциклист вез меня в штаб. Группа, в которую я был зачислен, больше трех месяцев действовала отдельно от полка и только сейчас вернулась в Подмосковье. Дорога вилась лесом. Все вокруг было упаковано в сверкающий снег, как в вату, — земля, кусты, деревья. Яркое солнце, валенки, полушубок и ушанка обманывали — не верилось, что мороз под сорок. И на душе было светло — после тяжелых октябрьских дней, когда немцы подошли вплотную к Москве, чувствовалось, что наше наступление не за горами. Я выскочил из коляски на глубокий, звенящий снег и пошел, не проваливаясь, к опушке. Там в небольшом лесном селении разместился штаб.

У штабной избы на снегу сидела ворона — она казалась огромной оттого, что распушила перья. Я прошел совсем близко, но она не взлетела, даже не шевельнулась, только искоса повела на меня глазом. Когда я оглянулся на нее с крыльца, она уже лежала на боку. По какой-то неуловимой связи я вспомнил Гришу — где он теперь и по-прежнему ли жалеет мышей и замерзающих птиц? Или четыре с половиной месяца войны изменили его, сделали таким же, как тот лихой парень с черным чубом?

— Стой! Кто такой? — тотчас же отозвался Гриша и шагнул с крыльца навстречу.

Это было как в сказке. Он охранял штаб! Гриша! Я бросился его обнимать.

— погоди, погоди! — улыбаясь, отбивался он. — Я ведь на посту.

— Гриша, где ты, как ты, почему здесь? Как воюешь?

Из треугольника ушанки глядело все такое же доброе его лицо, только щеки втянулись и глаза ввалились.

— Эх, брат, не спрашивай! Черт меня дернул попроситься в этот взвод! Заколдованный взвод: как только нужно кого-нибудь отправить в тыл, или сопровождать машины с продовольствием, или еще столь же «боевое» задание подальше от фронта — выбирают нас. Теперь вот назначили в охрану штаба. Это значит, что здесь даже порядочной воздушной тревоги ни разу не объявят, вот увидишь. Так и войну кончу, не услышав ни единого выстрела. Позор. И тоска.

— Как же так? Я думал, ты в разведке. Ведь, помню, в первую неделю в лагере на учениях ваша рота лихо ходила в атаку. Впереди Боголепов со своим черным чубом — ура!..

— Это он и теперь умеет,— каким-то странным тоном сказал Гриша и заговорил о другом.

Очевидно, Боголепов услышал нас — он рванул дверь и высунулся, весь в желтых скрипящих ремнях, с маузером на боку, с кубиком в петлице, какие носили тогда младшие лейтенанты.

— Разговорчики на посту! Воронихин!

Его черные, чуть навывкате, как лакированные, глаза уставились на Гришу. Он презрительно оттопырил нижнюю губу:

— Ты, штатская твоя душа, сделаю я из тебя солдата или нет? — Он глянул на меня: — Вам кого?

Я объяснил, что привез пакет командиру полка.

— Здесь, кроме телефониста, сейчас никого нет. Все у комиссара. Третий дом отсюда.

Я кивнул Грише:

— Еще увидимся.

Уходя, я слышал, как Боголепов продолжал выговаривать:

— Имей в виду, на боевое задание не возьму! Мне в бою добрячки-слюнявчики не потребуются! Имей в виду!..

Селение состояло из пяти-шести дворов. Если не считать нескольких солдат, разводивших на снегу костер, да часовых у крылечек, да двух грузовых машин, крытых брезентом, и старой легковой «эмки», здесь ничто не говорило о том, что фронт рядом. Трубы мирно курились голубоватым дымком. Женщина в больших валенках и рыжем кожаном плаще, накинутом поверх головы, бежала по скрипучему снегу с ведром. Было тихо.

Я уже миновал две избы, когда с той стороны, откуда я приехал, с шоссе, донесся плотный рокот множества мотоциклетных моторов. Потом все разом стихло. И только одиноко и жалобно протараторила

длинная автоматная очередь. Секунда тишины. И сразу оглушительная стрельба со всех сторон. Только сейчас я заметил среди деревьев землянки,— оттуда ко мне бежали солдаты, на ходу надевая полубубки, падая, стреляя, снова перебегая вперед. Вокруг стали коротко, негромко посвистывать пули. Я оглянулся. От шоссе к хутору бежали немцы. Их было неправдоподобно много. Я увидел, как на крыльцо избы, у которой я только что был, выскочил Боголепов. Изба уже была окружена. Он заметался на крыльце, снова скрылся в доме...

Я бросился в снег и стал стрелять. На шоссе из-за поворота то и дело вылетали немецкие мотоциклисты. Там, у дома, рвались гранаты, тяжело надрываясь, били пулеметы. Около меня кто-то оглушительно стрелял одиночными из винтовки, каждый раз сквозь зубы приговаривая: «Врешь... Врешь!.. Врешь!..»

Помню только—одна мысль сидела в мозгу, стучала, не переставая: за нами до самой Москвы шоссе открыто, до самой Москвы...

Наконец часа через два откуда-то справа ударили наши пушки. Потом внезапно появились кавалеристы на крепких низкорослых лошадках. Кто-то кричал свежим, сильным голосом: «Подавай, однако!» Это были сибиряки.

Немцы отступили так же внезапно, как появились.

Мы бросились к крайней избе.

В горнице все было перевернуто. У порога среди черепков цветочных горшков — мертвый Боголепов в расхлестанной гимнастерке.

У разбитого окна лежал Гриша, придавив всем телом свой автомат. Разрывная пуля ударила ему в висок.

— Подлец! — крикнул Гриша, поднимая автомат. — Подлец!

Кто-то простонал в углу. Телефонист, изрешеченный осколками гранаты, был еще жив.

Позже, когда я привез его в медсанбат, он рассказывал мне все.

Гриша из-за близорукости не разобрал, что это немцы. Только когда они были уже рядом, он бросился в дом предупредить.

Выскочив на крыльцо и увидев, что дом окружен, Боголепов ворвался в комнату с криком:

— К окнам! Отстреливайся!

Гриша и телефонист, выбив стекла, стали стрелять. Окна выходили на две стороны, и подходы хорошо простреливались. Немцы залегли. Крыльцо должен был оборонять Боголепов. Гриша увидел, что немцы переползают под плетнем, чтобы зайти с тыла к крыльцу. Но Боголепов почему-то не стрелял. Гриша обернулся и увидел, как Боголепов трясущимися руками срывает с петель знаки различия.

Гриша, очевидно, даже не понял, что происходит.

— Боголепов, стреляй же! Что ты делаешь?

Но тот, с белым как мел лицом, только остервенело рвал петлицы и бормотал:

— Все... Пропало... Конец... К чертям...

И, только когда он сорвал с гвоздя полотенце и стал махать с порога, Гриша понял.

— Подлец! — крикнул Гриша, поднимая автомат. — Подлец!

Боголепов, съежившись, боком стал протискиваться за дверь. Но он боялся выйти, немцы уже обстреливали крыльцо. Он еще раз судорожно махнул полотенцем. И вдруг, завопив истощно:

— Сюда! Сюда-а!.. — с искаженным лицом обернулся и выстрелил в комнату.

В тот же миг и Гриша нажал спусковой крючок. Боголепов упал.

Со двора в дверь швырнули гранату. Телефонист выронил винтовку, в глазах у него потемнело. И в сумеречном свете видел он Гришу, который носился по комнате, стрелял то в дверь, то в одно окно, то в другое.

Немецкая речь уже слышалась на крыльце.

— Браток, пристрели меня! — прохрипел телефонист, захлебываясь кровью.

— Нет, брат... Мы еще... поборемся!.. — проговорил Гриша, меняя обойму.

В комнате разорвалась еще одна граната. Гриша, хромя, отошел к окну, нога медленно подвернулась.

— Что такое? — удивленно сказал он, опускаясь на колено.

На пороге появились два немца. Что-то прокричали.

— Москвы захотели! — с ненавистью сказал Гриша, целясь в них. Но не успел.

Раздался выстрел. Через окно. Немецкой разрывной пулей. Той самой, от которой теперь запеклась кровь на его лице...

Сердце советского солдата! Я узнал его в те забываемые, трагические и прекрасные дни. О да, мы хорошо усвоили, что жестокость — это обратная сторона трусости. И не злые, не жестокие, а добрые люди стояли насмерть в лютых снегах Подмосковья, спасая Родину.

О чем говорил мальчик

Но ведь герой должен любить только героическое. Опасности. Войну. Я читал: почти все герои в детстве искали, где бы кого вытащить из омута или спасти из огня. Они убегали путешествовать, с ними случались разные приключения. Боролись с врагами: шпионами, кулаками. У них вся жизнь так складывалась. Или у него отец герой, дедушка — красный партизан.

А у меня папа умер давно, от болезни сердца. Он был счетоводом. И мы с мамой живем на окраине в обыкновенном большом новом доме. Мама шьет на фабрике. А я больше всего на свете люблю смотреть, как растут цветы и деревья у нас во дворе. И слушать, как утром поют птицы. Значит, у меня нет склонности к героизму!

Г Е Р О И

Те же вопросы, те же сомнения волновали и меня в далекие военные годы. Когда смерть была рядом. И мои товарищи, скромные, застенчивые люди, совершали героическое.

Какая жизненная дорога приводила их к подвигу? Почему они становились героями?

Николай Иванович Кузнецов сидел на пеньке у партизанского костра. Немецкий зеленоватый китель его был расстегнут. Тускло поблескивали погоны обер-лейтенанта. А рядом с ним стоял командир отряда Дмитрий Николаевич Медведев. Орден Ленина горел на его аккуратно затянутой гимнастерке. Два человека, два героя... Что их связывало, что влекло друг к другу? Что общего было в их судьбе?

- Николай Иванович, вы готовы?
- Полностью, товарищ командир.
- Отдыхайте. Через два часа — в путь.
- Есть!

Кузнецов встал, расправил плечи и медленно пошел от костра. Медведев задержал меня.

— Доктор, Николай Иванович здоров? Ни на что не жаловался? Мне не нравится цвет его лица.

— Он здоров. Во всяком случае, мне ничего...

— Поговорите с ним, доктор! — властно приказал Медведев и вдруг ласково улыбнулся. — Ведь

если даже болит что — никогда сам не признается. — Он любил Кузнецова.

Николай Иванович сидел на поваленном стволе березы и сосредоточенно смотрел в одну точку. Я тихо подошел сзади:

— Как чувствуете себя, коллега?

— О, ганц гут! Данке, коллега! — быстро ответил Кузнецов, обернувшись.

Шутливое обращение «коллега» вошло у нас с ним в привычку.

— Врасплох вас не застанешь! — сказал я, разглядывая его лицо.

Да, он был утомлен, белки глаз пожелтели. Может быть, лучше еще отдохнуть денек-другой?

Кузнецов угадал мои мысли.

— Оставьте, доктор. Я свеж и здоров. — Он отвечал мне по-немецки. — А сосредоточен потому, что тренируюсь — учусь не только говорить, но и думать на немецком языке. Вам понятно?

— Не очень.

Он посмотрел на меня:

— Все очень просто. Если я в городе устану и засну, во сне могу заговорить, сказать русское слово. Лучше, чтоб оно было немецким. — И он снова устал в одну точку.

Когда бы я его ни видел, он всегда в чем-нибудь тренировался. То учился стрелять «навскидку», как он выражался.

— Понимаете, в городе может возникнуть ситуация — целиться некогда. Все решают секунды и точность!

И целыми часами на привалах вышагивал среди деревьев, ежеминутно выхватывал из кармана незаряженный пистолет, наводил, целился, стрелял, прятал в карман, снова выхватывал... И так без конца.

То учился прыгать. Или ездить на мотоцикле. Однажды он придумал нечто совсем уж фантастическое...

— Понимаете, коллега,— говорил он мне,— я должен буду за ночь пройти от леса до города по шоссе черт знает сколько километров. Утомлен. В голове туман. А я должен иметь вид свеженького офицера, который только что принял ванну и позавтракал. И главное — ясную голову. Вот, тренируюсь.

— Где, когда, как? — недоумевал я.

Он лукаво улыбнулся:

— Секрет.

Той же ночью секрет его открылся. Отряд совершал очередной переход, шли гуськом по краю большака. Сквозь тучи изредка проглядывала луна, и я заметил, что Кузнецов, шедший передо мной, как-то странно взмахнул руками и... исчез. В ту же минуту откуда-то снизу раздался его раскатистый смех. Я бросился к нему, зажег фонарик. Он лежал в придорожной канаве навзничь и хохотал.

— Вы не ушиблись? В чем дело?

Давясь от смеха, он зашептал мне в ухо:

— Тренировка!.. Чтоб дать отдых голове... Научиться спать на ходу!.. Пока дойду до Ровно,— выплусь по дороге!..

И снова от души засмеялся.

И вот теперь опять тренировка. Я присел рядом.

— Мне кажется, Николай Иванович, вы тренируетесь всю жизнь. Вероятно, с самого детства у вас уже было это стремление стать разведчиком... Призвание!

Он с удивлением поглядел на меня, усмехнулся:

— Призвание? Я объясняю это заблуждение вашей молодостью, коллега! Десять лет разницы!

— Хотите, расскажу одну любопытную историю? —
спросил Кузнецов.

Потом он снова стал серьезным.

— Да, это заблуждение, доктор. Война для меня не профессия и не призвание. Война — необходимость. Как и разведка.— На минуту он задумался, едва заметно вздохнул.— Гитлер много лет воспитывал свою армию, обучал своих разведчиков. Он думал, что это — профессия. А мы с вами всю жизнь готовились к иному... Хотите, расскажу одну любопытную историю? — вдруг оживился он.

Хотел ли я!

— Но ведь вам следует отдохнуть перед дорогой!

— Вот именно. Поэтому я расскажу вам эту историю на немецком языке. В порядке тренировки. Переспрашивайте, что не поймете.

Он опустил голову, чему-то улыбнулся и стал рассказывать.

Незадолго перед началом войны в Москве проживал и работал на большом московском заводе один советский инженер. Человек мирный, он любил свое инженерное дело и ни о чем другом немышлял. Что? Да, я хорошо его знал, доктор. Семьи у него не было, как-то так сложилась жизнь — учился и работал, кончал рабфак... В общем, дожил до тридцати лет холостяком. Внешность его описывать не стану, не умею. А характер у него был спокойный, уравновешенный, так сказать. Без всяких стремлений к приключениям.

Однажды вызывает его директор, знакомит с каким-то молодым человеком и оставляет вдвоем в кабинете. Молодой человек тут же все ему сразу и выкладывает.

Оказывается, нашим чекистам стало известно, что гитлеровцы на днях отправляют в Москву двух опытных разведчиков — организовать шпионаж

на одном из московских заводов. Приедут они как представители частной коммерческой фирмы. Долго думали чекисты, как поступить. Если просто на границе задержать шпионов и отправить обратно, гитлеровцы могут взамен послать других, и более успешно. Если же пропустить и организовать за ними наблюдение, так ведь можно в какой-то момент не уследить. И тогда у чекистов возникла идея — обратиться за помощью к инженеру, хорошо владеющему немецким языком, чтобы провести матерых разведчиков. Инженер... Давайте назовем его условно Бородиным. Так вот, Бородин сперва стал отказываться, боясь провалить все дело. Ведь он никогда ни о чем подобном и не думал, даже детективной литературой не интересовался. Но он прекрасно знал, над чем работает завод и какой ущерб понесет страна, если на завод проникнет шпион. И он в конце концов согласился. А согласившись, стал соображать, как выполнить задание. План, который предложил Бородин, был принят...

Коммерсанты приехали и поселились в гостинице «Националь». Это совсем недалеко от Красной площади. Там на втором этаже они обычно обедали. И на третий день их приезда за соседним столиком оказался инженер Бородин. Он ничем не отличался от других посетителей. Молчаливый, застенчивый, Бородин вел себя очень скромно, ни разу даже не поглядел на коммерсантов. И единственное, что он себе позволял, — это весьма громко, даже развязно заказывать и обсуждать с официантом меню своего обеда. Он объяснялся на хорошем русском языке. Но всякий заметил бы, что у него сильный иностранный акцент, именно немецкий акцент.

Кузнецов коротко, с удовольствием рассмеялся и даже прихлопнул ладонью по колену.

— Да, доктор, это, пожалуй, было самым трудным — русскому человеку научиться говорить по-русски с немецким акцентом!

На другой день коммерсанты подсели к его столу. А еще через день все трое уже непринужденно беседовали — коммерсанты неплохо говорили по-русски.

Как-то в разговоре один из них будто невзначай воскликнул:

— Знаете ли, если бы вы не носили эту форму, я побился б об заклад, что вы — немец!

— Почему? — удивился Бородин. — Цвет волос? Черты лица?

— Акцент! У вас акцент, будто вы родились в Дюссельдорфе!

— Товарищи никогда мне на это не указывали... — задумчиво сказал Бородин. — Вот что значит в семье говорить на одном языке, а в служебное время на другом, — улыбнулся он. — Портишь оба языка.

— Так вы немец! Зи зинд айн дойчер! — захохотал коммерсант и в восторге ударил его по плечу.

— Мои родители — выходцы из Германии, но я родился в России, — строго сказал Бородин. — Я русский.

— О нет, вы немец, зи зинд айн ехтер дойчер!

Вскоре они уже прогуливались втроем по городу, и Бородин показывал достопримечательности Москвы. А однажды пригласил к себе на чашечку кофе. Родители отдыхали на даче, он жил в квартире один. Оставив гостей в своей комнате, инженер долго хлопотал на кухне. Гости не скучали. Справа от двери стоял чертежный столик. Приколотые кнопками чертежи были прикрыты газетой... Коммерсанты с пользой провели время в ожидании кофе.

На другой день коммерсанты попросили Бородину посидеть с ними после обеда в Александровском сквере. Здесь они показали фотографии чертежей и предъявили ультиматум: либо он будет сотрудничать с гитлеровцами, либо эти фотографии попадут в руки чекистов.

Бородин был потрясен. Ох, как потрясен! Но, в конце концов, после долгих сомнений он дал согласие. Тут все и началось. Он стал заваливать разведчиков всякими сводками, чертежами, информацией. Он вербовал для них агентуру и чуть ли не ежедневно сводил с новыми людьми. Вскоре у коммерсантов не оставалось времени ни на сон, ни на еду. Когда пришло время уезжать, Бородин проводил своих «друзей» до самого вагона. И немцы уехали, увозя с собой груды макулатуры и твердую уверенность в том, что создали крупную агентурную группу на одном из важнейших оборонных заводов страны.

Кузнецов помолчал.

— И это все, Николай Иванович?

Он встрепенулся:

— О нет, коллега, история имела продолжение. Когда-нибудь расскажу и об этом. А сейчас я только хотел ответить вам. Призвание! Одно призвание было у инженера Бородина: служить своей Родине! Так, как это требуется в трудную минуту. А профессия... Профессия у него была обычная... созидательная... — Кузнецов нежно провел ладонью по шелковистому стволу березы и совсем уж неожиданно произнес по-латыни: — Бетула веррукоза. Так называется эта березонька, доктор.

— Разве вы занимались ботаникой?

Он посмотрел куда-то вверх, где качались верхушки деревьев в еще светлом предвечернем небе,

где кружил ястреб и высоко-высоко плыли малиновые облака, и тихо сказал:

— Выращивать лес!.. Вот это и было моей профессией, доктор...

Много лет спустя побывал я в уральском городке с таким русским и чистым, как родничок, названием — Талица. Здесь я бродил под деревьями, которые так любил маленький Никоша Кузнецов, смотрел в тихую воду реки, которая навсегда отразилась в его глазах. Здесь, в ботаническом саду, заложенном в давние времена каким-то добрым человеком, студент лесного техникума Кузнецов мечтал о родной березке, о садах, шумящих на земле... Может быть, это помогло ему в последний час, когда окружили враги, выхватить из кармана гранату, прижать к груди и взорвать...

Через шестнадцать лет мы нашли могилу Кузнецова. Его останки похоронили во Львове, на Холме Славы.

Командир нашего партизанского отряда Дмитрий Николаевич Медведев не просто уважал, — он любил этого человека. У него теплели глаза, когда Кузнецов напевал у костра уральскую старинную песню. Он буквально не находил себе места, если Кузнецов задерживался на задании, в городе.

После смерти нашего командира в 1954 году, работая над книгой о его юности, я узнал, что Митя Медведев с ранних лет нежно любил лес, проводил в нем целые дни, мечтал окончить Лесную академию. Так вот что их так влекло друг к другу, так сближало! Лес, русская природа — это пело в их душе. Это объединяло их так же, как общая борьба.

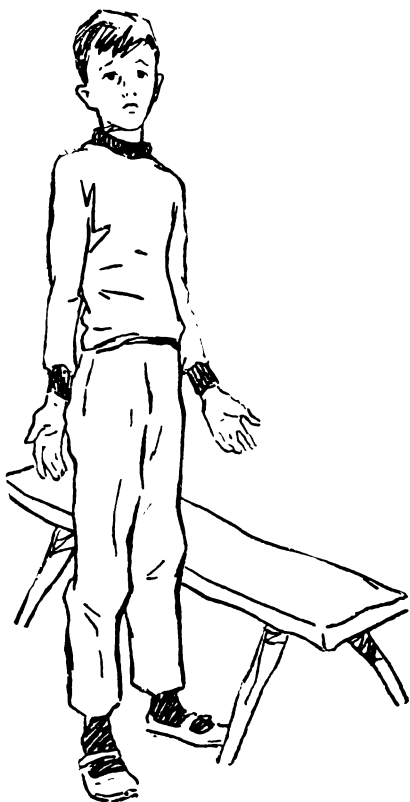
Не стыдись же этого и ты, мой мальчик!

О чем говорил мальчик

Кроме того, есть у меня привычка. Ругают меня за нее!.. Привычка всегда спрашивать: зачем? Вот вчера послали переносить скамейки из столовой во двор. Я, конечно, спросил: зачем? Мне говорят: не твое дело, выполняй.

Потом оказалось — для лекции... Конечно, тут же пошел дождь, и мы сейчас же стали переносить скамейки обратно. Я и говорю вожакой: я потому спросил «зачем?», что тучи и на барометре видно было... А на днях в военной игре посылает меня старший вожакий в разведку — искать штаб противника — совсем не в ту сторону. Я говорю — зачем, когда я видел, они вон туда пошли. Ну, он раскричался. Оказывается, у них заранее было придумано, чтоб с разведкой вышла ошибка. Стал он мне говорить, что в настоящей войне я бы ни одного приказа не выполнил, ни одного подвига не совершил.

Вот я и думаю: как же настоящие герои совершали свои подвиги? Не думая? А если бы стали рассуждать, может, они бы и половины подвигов не совершили? Так, что ли?

С Е Р Е Ж А

Нет, нет, не верь этому, не верь! Я знаю: я сам видел.

Лето 1957 года. Жаркий июльский день. По лесной дороге, как по зеленому туннелю, медленно пробирается небольшая машина. Дорога, кузов машины — в дрожащих золотых пятнах. Во всю глубину лес исчеркан солнечными стрелками, исполосован солнечным дождем, и светящиеся столбы подпирают высокие, раскидистые кроны. Лес переполнен солнцем.

— Хорошо!.. — вздыхает кто-то из пассажиров. — Тогда мы этого не замечали.

— Не до того было! — говорит шофер.

Вот он остановил машину, вышел. Огляделся по сторонам, потянулся с хрустом. Вышли и остальные. И замерли молча.

Им было лет по сорок, этим пятерым людям в штатском, с сединой в волосах. Они были совсем разные и чем-то очень похожие друг на друга...

— Удивительно... — задумчиво сказал один из них. — Почти пятнадцать лет назад я стоял в этом самом лесу на посту, у входа в лагерь, и все старался себе представить, какой будет жизнь после войны...

— Да... Немало и я походил по этим тропинкам... — сказал другой. — Отправляешься на операцию, точно в иной мир попадаешь... А возвращаешься — каждому знакомому кусту рад: значит, лагерь рядом. Ближе подойдешь — слушаешь: то пила

зазвенит, то топор стукнет... Ждут, значит, в костер подкладывают, обед небось поспевает. Кажется, за версту запах супа чуешь!

Они негромко засмеялись, помолчали.

— Что же, — сказал шофер, — подъедем поближе, поглядим, где раньше жили. Немцы чуть не целый квартал леса выжгли, когда нас искали. Что-то там теперь?.. Э-э, хлопцы, мне сдается, до сих пор оттуда дымком потягивает. А? И вправду дым!

Действительно, с каждой минутой все явственнее тянуло гарью. Они не проехали и километра, как дым уже плотной стеной преградил дорогу. Ветра не было, и серые клубы, медленно разворачиваясь, неторопливо плыли среди деревьев. Небо закрылось плотной желтой пеленой. Теперь там, впереди, уже слышался грозный шорох, порой что-то оглушительно трещало.

Тревожно перекликались голоса.

— Лес горит, хлопцы! — крикнул шофер.

Оставив на дороге машину, они побежали на гору.

Пожар шел справа, с вырубki на высоком берегу. Там все было затянуто дымом. Змейки огня уже перекидывались по корням и валежнику через дорогу. И молодой, высаженный слева березняк, далеко тянувшийся в глубину, кое-где начало прихватывать. По тонким белым стволам крайних деревьев взбегали рыжие гривки огня, вспыхивала и осыпалась пеплом подпаленная листва. А рядом другие молодые березки, еще зеленые и свежие, стояли недвижно и беспомощно, точно замерли, беззащитные, в ужасе.

Несколько человек металось среди берез, подрубая горящие деревья, роя траншейки. Но огонь, ширясь по фронту, уже начинал обходить с флангов.

— Давайте, хлопцы, по-партизански! — командовал шофер.

И пятеро бывших партизан, наломав березовых веток, бросились сбивать огонь, стегая по курящемуся дерну, по чернеющей в завитках коре.

— Давай! Давай! Давай! — кричал шофер.

Казалось, сейчас затрещат автоматы и командир, указывая маузером на стену огня, командует:

«На прорыв, товарищи! Ура!..»

И они снова полезут сквозь дым и огонь, чтобы, ослепнув от боли и ярости, врубиться, смять, опрокинуть, прорваться...

Часа через два огонь стал сдавать. Все реже вырывались из-под дерна струйки дыма, все реже трещала и вспыхивала листва. И только сзади на вырубке еще догорали пни и щедро рассыпались снопы искр...

Только теперь приезжие стали знакомиться, местные оказались все из лесничества, до которого отсюда было недалеко. Лесничий, совсем еще молодой, в черной форме с золотыми листьями на петлицах, не участвовал в разговоре. Он молча бродил среди обгоревших березок, время от времени трогал ладонью побуревшую кору, осторожно, словно опасаясь, чтобы деревья не закричали от боли.

Шофер подошел к нему и, стараясь успокоить, заметил:

— Ничего, десятка полтора всего и повредило, не боле... Мелочь!

— Мелочь! — с горечью воскликнул лесничий. — А мне каждое деревце, как кусок сердца! — Он в бессилии сжал кулаки. — Своими руками высаживали после войны. Тут ведь пожарище было. Немцы выжгли...

— Стой-ка, стой! — сказал шофер. — Оттого я и

не опознал... Хлопцы! Вот в этом квартале лагерь был!

Лесничий резко обернулся к нему:

— А вы сами... извините, кто?

— «Кто, кто»!..— бормотал шофер, как замороженный вглядываясь в чащу.— Из тех, кого фашисты хотели здесь вместе с теми деревьями живьем спалить. Только не вышло у них!

— Партизан! Вы партизаны! — закричал лесничий и, побледнев от волнения, стал всматриваться в лица приезжих.

— Чего смотришь? — улыбнулся шофер.— Или, может, признаешь? — Он в свою очередь разглядывал молодого лесничего.— Ты что же, местный? Так тебе тогда сколько лет могло быть?.. (Безусое, с мальчишескими веснушками лицо лесничего, открытый взгляд добрых серых глаз кого-то напомнили.) Ну, лет восемь — десять, не более...

И вдруг лесничий на шаг отступил, губы у него как-то по-детски жалобно дрогнули.

— Дядя Семен! — прошептал он еле слышно.

— Ну, я...— медленно проговорил шофер.

И внезапно прошлое возникло перед ним ясно и ярко, как этот солнечный день. Он стоит на посту, в секрете. Вечереет. Из кроваво-красного марева заката медленно бредет по дороге к лагерю маленькая оборванная фигурка мальчика...

— Признал я тебя! — сказал шофер. Он подошел к лесничему, положил руки ему на плечи.— Признал. Ты — Сережин брат...

...Давно задумали бывшие партизаны хоть на месяц оторваться от своих повседневных дел, побывать в местах, где когда-то воевали. Пройти по боевым дорогам — поглядеть, как живет сегодня партизанский край, поклониться дорогим могилам.

Много удивительных встреч произошло на тех дорогах. И в тот вечер они с лесничим долго сидели на поляне среди молодого березового леса, вспоминали былое.

В партизанский отряд от подпольщиков города Ровно пришло донесение: в небольшом городке Б. провокатор выдал гестаповцам подпольную комсомольскую организацию.

Начальник гестапо — на совещании в Ровно. Через три дня он приедет, и тогда начнется расправа. Пока же провокатор — в одиночной камере, чтобы никому не проболтался. Список комсомольцев заперт в ящике письменного стола начальника.

Итак, комсомольцев нужно спасти в течение трех дней. Конечно, проще всего было немедленно забрать всех комсомольцев в партизанский отряд. Но они отказались уйти из города — ребята не могли даже представить себе, что созданная с таким трудом подпольная организация перестанет действовать.

Связной сообщил просьбу подпольщиков: организовать нападение на здание гестапо, чтобы захватить и список и провокатора. И всю ночь в штабе партизанского отряда совещались, обсуждали десятки смелых боевых планов и отвергали один за другим — сил для нападения у партизан не было. Оставалось действовать хитростью. Вот тогда-то и вспомнили партизаны о Сереже Гуртовом.

Недалеко от лагеря на лесном хуторе жила семья расстрелянного гитлеровцами лесничего — жена и два сына; старшему, Сереже, исполнилось семнадцать лет. Он часто приходил в лагерь — то сообщал о подозрительных людях, которые появились в

лесу, то показывал новые тайные тропки. Дважды по заданию партизан побывал он в гестапо — принес ложные сведения об отряде, за что даже получил от немцев вознаграждение: двести марок. Гестаповцы послали карательную экспедицию в лес, обнаружили в указанном им месте оставленный партизанский лагерь, обстреляли, сожгли все, что партизаны не успели взять с собой. А в местной газете появилось сообщение о том, что крупный партизанский отряд полностью уничтожен. Много раз Сережа просил партизан дать ему оружие, послать на боевое задание. Партизаны любили и берегли высокого, молчаливого паренька с застенчивой улыбкой. Но теперь пришел его черед...

Гестапо на оккупированной территории было не только полицейским учреждением, но и центром грабежа и спекуляции. В кабинетах и коридорах гестапо постоянно шла купля-продажа. Все, что представляло хоть какую-то ценность, находило там сбыт. В последнее время гестаповцы стали усиленно заготавливать и отсылать домой продовольствие, — Германия уже голодала. Этим и решили воспользоваться партизаны.

В просторном штабном шалаше собралось командование отряда. И, пока ждали Сережу, произошел тот самый разговор, ради которого я рассказываю тебе эту историю.

— Товарищ командир, — сказал один партизан, — как бы парнишка того... В последнюю минуту перепугается, напутает со страха... Или не выдержит — выдаст.

— Что говорить, молод еще... — поддержал другой.

— Предложение! — нетерпеливо перебил командир.

— Может, не стоит ему все раскрывать... Пускай знает, что в бидоне, который он повезет, сливочное масло. И ничего больше. И ему спокойнее. Только приказать, чтобы утекал через пятнадцать минут.

— Вслепую? — снова коротко бросил командир.

— Зато меньше думать будет, — сказал первый. — В военном деле чем меньше думать, тем лучше.

— Чепуха! — Командир вскочил. — Что заставляет человека совершить подвиг? Привычка? Страх? Равнодушие? Нет! Разум! Человеческий разум!

Вокруг все притихли. Может, вспомнили своих погибших товарищей в ту, самую последнюю, героическую секунду их жизни, когда смерть уже смотрит в глаза и в одну короткую мысль вмещается все: и что прожил, и как прожил, и ради чего жил...

В шалаш вошел Сережа с братом — десятилетним веснушчатым мальчишкой.

Командир подошел к ним, серьезно, как взрослым, заглянул в глаза.

— Так, хорошо. Теперь — внимание, ребята! — сказал он сухо. И потом почему-то надолго замолчал. — Ребята, — наконец сказал он снова, — дело серьезное. Нужно спасти пятьдесят семь подпольщиков. И я хочу, чтобы вы всё ясно понимали. В этом вот бидоне сливочное масло. Его нужно отвезти в гестапо.

— Только в дороге не попробуйте, не поздоровится с того масла! — попытался пошутить кто-то.

Командир хмуро поглядел на него. Потом обернулся к мальчишкам, обнял их за плечи.

— В бидоне под сливочным маслом — мина. Если открыть крышку, через пятнадцать минут мина срабатывает. Понятно? Так вот, ребятки, за бидон этот вы

попросите недорого. Гестаповцы наверняка купят. Постарайтесь втащить его в коридор. Если удастся, поставьте поближе к двери в кабинет начальника. Ты же там ориентируешься, Сергей, и они тебе доверяют. Но помни: откроют при тебе крышку бидона — удирай как можно дальше от дома. Времени у тебя — пятнадцать минут! А не откроют, сам открой, как будешь уходить. Масла много, сразу они не докопаются, успеешь скрыться. На всякий случай, как только внесете бидон, отправь брата к повозке. А ты, друг, — обратился командир к младшему, — через десять минут — слышишь, ровно через десять! — кликни Сергея, будто он понадобился упряжь поправить. И сразу же нахлестывайте лошадей — да в лес. Погони не бойтесь — подпольщики наготове, отвлекут погоню. Пока будете орудовать в гестапо, вокруг, на улицах, в подворотнях,

засядут наши люди. У них оружие, гранаты — в обиду вас не дадут. Скорее всего, никакого боя не случится — успеете спокойно уехать. Гестапо ведь на краю города — до леса недалеко. — Командир помолчал, вздохнул. — Больше послать некого. Ведь нужно, чтобы немцы поверили в это масло. Ну, вот и все! — Он резко отстранил ребят. — Понятно?

— Понятно! — ответил Сережа, застенчиво улыбаясь.

Но тут младший робко сказал:

— А я не знаю, когда пройдет десять минут!

Командир снял с руки часы, отдал мальчику. Партизаны осторожно вынесли бидон из шалаша, поставили на повозку, в сено. Сережа сел на облучок. Младший пристроился рядом, свесил ноги, рукой придерживает часы в кармане. И ребята поехали...

Почти на две трети бидон был заполнен толом — взрывчаткой. В тол помещен взрыватель замедленного действия. Устройство взрывателя простое: тонкостенный стеклянный пузырек с жидкостью в коробочке с порошком. Если специальным приспособлением разбить пузырек, жидкость выльется, смочит порошок, начнется химическая реакция, рассчитанная точно на пятнадцать минут. Взрывчатка прикрыта жестью. Верхняя часть бидона заполнена сливочным маслом. Проволочка от приспособления, которое разобьет пузырек, протянута кверху, прикручена к крышке бидона. Если открыть крышку бидона, дернется проволочка, сработает взрыватель, и через пятнадцать минут произойдет взрыв огромной разрушительной силы.

...А утром разведка сообщила: вчера после полудня здание гестапо взлетело на воздух.

Партизаны ликовали. Задание выполнено: уничтожен список подпольщиков, заодно с ним и провокатор, сидевший в камере. Но радость сменилась тревогой — Сережа с братом пропали.

Десятки друзей разыскивали их в городе, в окрестных селах и лесах, но все напрасно. Судьба мальчиков оставалась неизвестной.

На исходе пятых суток, под вечер, стоявший на посту партизан увидел оборванного, исхудавшего мальчонку, который медленно брел по дороге к лагерю. Это был младший брат Сережи. Он рассказал все...

Добрались они до города в полдень. Небо было высокое, ясное. Солнце грело. И с лесной опушки городок выглядел тихим и мирным. Когда ехали через картофельное поле, младшему стало страшно, он захныкал. Сережа придержал лошадь, строго поглядел на брата:

— Смотри мне! Не то домой прогоню.

Въехали в город. По разбитой булыжной мостовой повозка запрыгала, затарахтела. Младший обеими руками уцепился за Сережу:

— А вдруг она от толчка взорвется!

Сережа приказал мальчику слезть с повозки, идти следом. Это было очень страшно: в ушах от волнения так стучало, что казалось, будто рвется мина, и каждую секунду чудилось, что вот уже и повозка, и Сережа, и лошадь разлетаются на куски.

Мальчик шел по мостовой, спотыкаясь, боязливо озирался по сторонам. Стали попадаться редкие прохожие. Они останавливались и долго провожали взглядом повозку с бидоном. Мальчику казалось,

что каждый встречный обо всем догадывается, каждый видит бидон насквозь и спешит в полицию, чтобы донести... Он не понимал, как Сережа мог так спокойно сидеть на облучке, лениво пошевеливая вожжами и изредка покрикивая на лошадь. Вот Сережа придержал лошадь, подозвал брата:

— Садись. Теперь близко — за углом.

Миновали красное кирпичное здание школы. У ворот, вяло разговаривая, стояли разомлевшие от зноя часовые. Почти во всех окнах виднелись немецкие солдаты — фронтовая часть только что прибыла на отдых. Кое-кто брился, другие просто глазели на улицу, что-то жевали. Изредка появлялись прохожие. Они шли по противоположной стороне улицы, не поднимая головы, не оглядываясь.

Обогнув выбеленное одноэтажное здание гестапо, Сергей легонько толкнул брата локтем, шепнул:

— Гляди! Помощник начальника.

За раскрытым окном, забранным железной решеткой, сидел сухопарый военный. Он писал. На стук повозки обернулся, увидел Сергея. Узнал, улыбнулся, махнул рукой.

— Видал? — обрадовался Сергей. Осадил у крыльца лошадь. Весело подмигнул часовому.

Ребята с трудом пододвинули бидон к краю повозки, спустили на землю, поволокли к дому. Часовой с интересом наблюдал. На крыльцо вышел сухопарый гестаповец, прищурился, повел длинным носом:

— Что такое, э?

Сережа застенчиво улыбнулся:

— Сливочное масло.

— Ого, масло! — обрадовался гестаповец. — Почему?

— Недорого. Как дадите...

Внезапно гестаповец встревожился, подозрительно, по-птичьи, покосился на бидон:

— Открой! Э?

Сергей решительно, с силой рванул крышку. Брат зажмурился в ужасе — сейчас, сейчас... Но ничего не случилось. Гестаповец, наклонившись над бидоном, ковырял пальцем масло, слизывал его языком, причмокивал, приговаривая:

— Гут, гут, гут...

Выдернутая проволочка тревожно дрожала на крышке бидона.

Вытерев губы и палец носовым платком, гестаповец потрепал Сережу по плечу:

— Молодец! Хорошо! Тащи в дом!

Бидон подняли на крыльцо, втащили в коридор. Гестаповец озабоченно огляделся по сторонам — ему явно не хотелось делиться маслом с кем-нибудь еще — и открыл какую-то дверь:

— Начальство в отъезде — ставь сюда.

Бидон внесли в кабинет и поставили у письменного стола. Вероятно, у того самого стола, в ящике которого хранился заветный список подпольщиков.

С того момента, когда Сергей открыл бидон, прошло уже минут восемь — десять. Время истекало. Передвигая бидон, Сергей шепнул брату, чтоб тот выбирался на улицу. Мальчик беспрепятственно вышел, уселся в повозку, подобрал вожжи и стал наблюдать через окно за тем, что происходило в кабинете.

А в кабинете гестаповец, отсчитывая засаленные деньги, о чем-то расспрашивал Сергея. То и дело слышалось слово «партизанен». Сергей отвечал, а сам, поглядывая на настенные часы, медленно

*Сергея взялся руками за решетку, пристально посмотрел
на брата...*

отступал к двери. Видимо, сухопарому не нравились ответы. Он стал злиться, замахал руками, повысил голос:

— Будешь мне говорить все или нет?

Младший не выдержал, закричал:

— Серега-а!..

Сережа повернулся спиной к гестаповцу и шагнул через порог. В этот момент гестаповец, тыкая пальцем в приколотую к обоям карту, что-то быстро и раздраженно проговорил. Не услышав ответа, оглянулся, увидел, что Сережа выходит из кабинета, и хватил кулаком по столу:

— Не хочешь отвечать! Одна компания!

Сережа понял: если он сейчас выбежит, гестаповец заподозрит неладное и успеет вышвырнуть бидон из дома, и сделал самое разумное и самое страшное: повернулся и снова вошел в кабинет. Ни слова не отвечая гестаповцу, прошел мимо него к окну, взялся обеими руками за решетку, пристально посмотрел в глаза брату и отвернулся.

Раздался взрыв. Мальчика сбросило с повозки. Когда он пришел в себя, в доме что-то продолжало рваться, в воздухе со свистом вертелись балки, пыль клубилась над развалинами...

К месту взрыва бежали солдаты. В казармах выла сирена. Редкие прохожие в испуге жались в подворотнях, удирали, перелезая через плетни и заборы. Со всех сторон поднялась стрельба.

Мальчик встал, осмотрелся. Никто не обращал на него внимания. И он пошел в лес искать партизан...

Долго в тот вечер после лесного пожара вспоминали партизаны прошлое, говорили о подвиге Сережи Гуртового. Как раз после взрыва в гестапо гит-

леровцы бросили против партизан карателей, выжгли целый квартал леса. Маленький брат Сергея остался в отряде. А после войны окончил техникум и стал работать в лесничестве.

— Ты, парень, правильно сделал, что посадил здесь молодой лес,— тихо сказал дядя Семен.— Это памятник твоему брату.

По тонким ветвям березок прошелестел ветерок. Заверещали птицы. Остро и пряно запахло ночной фиалкой.

Лес жил, сбереженный от огня, выращенный человеческим трудом, жил, как продолжение подвига!

О чем говорил мальчик

А потом, разве я похож на героя? С таким ростом? Герои все — высота во, плечи во!.. Учитель физкультуры говорит, все герои — спортсмены. Ну и не нужно. Я даже и не люблю спорт. Только время тратить, чтоб прыгнуть дальше на два сантиметра! Подумаешь, заслуга — родиться с длинными ногами.

Витька-верзила задается: сильнее всех в лагере. Смеется, что у меня с подачи мяч до сетки не долетает. Все утро я сегодня тренировался — не выходит. Ну и пусть! И так живу.

СПОРТ

Да, я тоже так думал. Наверно, потому, что так легче. Потому, что каждый день заставлять себя преодолеть инерцию, нежелание, усталость — трудно. И я, учась в институте, успокаивал себя: я буду врачом, а крепкие мышцы и тренированное сердце нужны лишь футболистам.

Каждое утро, выходя из дома на Смоленскую площадь, чтобы ехать в институт, я видел, как два моих однокурсника выбегали на мостовую и, не отставая от трамвая, бежали до самых институтских ворот — несколько километров. Постовой милиционер приветливо махал им рукой. Оглядывались удивленные прохожие. А я, снисходительно окликнув их из окна вагона, удобно устраивался, раскрывал книжку. «Чудаки!» — думал я, посмеиваясь. То были Серафим и Георгий Знаменские. 16 июля 1941 года мы снова встретились с ними в Московском добровольческом комсомольском полку. А вскоре после этого началась и моя спортивная карьера.

Из состава нашего полка формировались первые десантные партизанские отряды. Пешком, на самолетах, а зимой на лыжах пересекали они линию фронта, уходили в тыл врага. Командиры, отбирая добровольцев, предпочитали спортсменов. Миновал почти месяц, а меня все еще не зачисляли ни в один отряд. Послали на практику в хирургический госпиталь. Прошел еще месяц. Немцы приближались к Москве. А я все еще не был в бою. Я прихо-

дил в отчаяние. И вот наконец однажды ночью в дверь моей комнаты в общежитии постучался вестовой:

— Довольно учебы! В восемь ноль-ноль явиться в штаб.

— Есть!

У двери в кабинет генерала меня поджидал старший лейтенант — высокий, темнолицый, с дикими глазами. Схватил за руку, затормошил:

— Наконец! Слушай, доктор, я не ошибся, ты спортсмен? — У него чуть заметный восточный акцент. — Понимаешь, особое задание. Отбираем самых крепких. У тебя какой вид — легкая атлетика? Ну? Что ты молчишь?

Это ужасно, сейчас он поймет, что ошибся, и меня снова оставят в тылу. С горькой завистью вспоминаю моих товарищей, которым я когда-то с такой насмешливой снисходительностью кивал из окна трамвая.

— Видите ли... я, собственно... окончательно еще не определил вид... Я, собственно, с братьями Знаменскими... так сказать, вместе занимаюсь...

— О, Знаменские! Значит, бегун! Великолепно! — кричит старший лейтенант и тащит меня в кабинет. — Стайер, нет? Спринтер? Как раз то, что нужно! Заходи!

Так я оказался в отряде, в котором тридцать два рекордсмена и чемпиона страны по различным видам спорта и тридцать третий — я.

Задание действительно особое. На полпути между Москвой и Можайском в лесу роем землянки. Если немцам удастся подойти вплотную к городу, мы уйдем под землю, чтобы выйти у них в тылу. Землянки должны быть глубоко под землей, с прочной крышей из трех слоев сосновых бревен, с мощ-

— Зачем так вцепился в лопату? — спрашивает Долгушин.

ным слоем земли. Расчет такой, чтобы они выдержали тяжесть танка...

И вот ясным осенним утром, в глухом лесу, мы роем, пилим, рубим. Тут распределение труда: чемпион мира по штанге Николай Шатов таскает огромные стволы в медной чешуе. Семикратный чемпион страны по гребле Саша Долгушин, по плечи в земле, неутомимо кидает лопатой. Я рою землянку для медицинского пункта рядом, углубился по щиколотку. Но силы уже иссякают. Пот льет с меня. Ладони в волдырях. Спину ломит, будто танк уже проехался прямо по мне. В голове тупо стучат бессвязные мысли.

— Какая красота вокруг! А, доктор? — радостно восклицает Долгушин.

Я со стоном разгибаюсь, озираюсь по сторонам. В глазах у меня дрожат мириады сверкающих капель.

— Э, доктор, ты, я вижу, не гребец! — говорит Долгушин, и из розового тумана наплывают на меня добрые голубые глаза. Он стоит возле меня, свеженький, веселый, наблюдает за моими судорожными упражнениями. — Видишь ли, ты тратишь в сто раз больше усилий, чем это требуется. Знаешь, чем я беру в соревнованиях? Экономией. Ищу в гребле каждый миг, когда можно расслабить мышцы. Работают руки, даю отдых мышцам спины. Тяну спиной, отпускаю бицепсы. А ты сейчас разогнулся, работает спина, зачем так вцепился в лопату?

— Да, да, сейчас, я просто забыл, задумался... — бормочу я, расслабляю мышцы, роняю лопату, и земля оглушительно сыплется обратно в яму.

— Ну, вот что, я за тебя тут покидаю, — ласково говорит Долгушин, — а ты выбери работу по своему виду спорта.

— Да, пожалуй, так от меня будет больше пользы,— быстро соглашаюсь я и отправляюсь обрубать ветви на поваленных деревьях.

«Э-эх, раззудись плечо, размахнись рука!» — вспоминаю я и лихо замахиваюсь топором. Шлеп! Топор скользит по сучку. Топорище, выламывая мне пальцы, вырывается. Я теряю равновесие и падаю лицом в колючие иголки.

— Э-э, доктор, ты, я вижу, с диском не в дружбе! — посмеивается рекордсмен, метатель диска Леонид Митропольский и подбирает мой топор.

Делаю еще несколько попыток найти дело по себе, но результат один и тот же.

— Сразу видно, ты не штангист! — говорит мне Шатов и подставляет под бревно плечо.

— А я думал, ты по велосипеду!.. — разочарованно тянет известный в стране гонщик Зайпольд и подменяет меня на очередной работе.

Так как снега еще нет, кто-то высказывает предположение, что доктор — лыжник. Но долго ожидать подтверждения не приходится.

За одну ночь белый пушистый снег надежно маскирует и лес, и наше будущее жилье. Все чаще над нами с ревом проносятся самолеты с черными пауками на крыльях. С запада идет гул канонады. Фашисты рвутся к Москве. Десятого октября гитлеровский десант прорвался к Кубинке, поджёг крайние дома. Может быть, пора нам забираться в наши норы?

Командир отдает приказ: отряду выйти в полном составе в лыжную разведку.

Не стоит рассказывать о том, как я на виду у всего отряда подгонял крепления к ботинкам. Как то и дело прищемлял себе «лягушкой» пальцы и, наконец, уселся в снег и потом долго не мог поднять-

ся. За все двадцать пять минут, пока я «готовился» к походу, никто ни разу не засмеялся. Но вот и я в строю, и я — на лыжах. Сначала я двигался в середине цепочки. Потом почему-то как раз в том месте, где шел я, цепочка разорвалась. Когда идущие впереди останавливались, просвет между нами сокращался. Когда они двигались, просвет снова увеличивался и после каждой остановки становился все больше и больше. Будто пружина растягивалась.

Сперва я думал, что просто шаги нужно делать как можно шире. Но на какой-то коварной кочке одна моя нога неожиданно устремилась вперед, а другая почему-то не хотела двигаться. Я сделал очень эффектный шпагат на снегу. Ко мне протянулось шесть палок, я ухватился за них и с трудом собрал ноги вместе. Тогда я решил, что нужно делать шаги короче и чаще. Ноги мои замелькали, как спицы в колесе. Лыжи захлопали по снегу, как трещотки. Палки взрывали фонтаны снега. И тут я с удивлением увидел, что товарищи один за другим неторопливо обходят меня и скрываются впереди. Это было как во сне.

Замыкающим шел один из лучших лыжников страны Валентин Фролов. Мы с ним остались вдвоем.

— Вот что, доктор, — сказал он, — возьми-ка палки под мышки и начинай отрабатывать шаг. Выдвигая вперед ногу, переноси на нее тяжесть тела... Ну-ка, я пойду следом.

И я стал учиться. Это было нелегко, потому что шла война и я должен был исполнять свои обязанности врача. Но я уже твердо знал, что без спорта не выполню своего долга так, как нужно. Могу ли я забыть моих первых боевых друзей — спортсменов, которые с такой чуткостью отнеслись ко мне в те

дни, приходили на помощь, когда мне было тяжело, и щедро делились секретами своего мастерства.

Дружба со спортсменами определила мою дальнейшую военную судьбу.

Землянки наши так и остались неиспользованными — немцев отогнали от Москвы. А нас возвратили в полк. Я снова стал писать рапорт за рапортом, чтобы мне поручили боевое задание.

Однажды ко мне подошел Серафим Знаменский:

— Сейчас я встретил Колю Королева. Он только что вернулся с группой из-за линии фронта. Говорит, его командир, Дмитрий Николаевич Медведев, подыскивает людей для нового отряда. Понимаешь, они там провели какую-то весьма интересную операцию по разведке. Коля принимал участие. И теперь им поручают очень важную работу в глубоком тылу врага.

Я испытующе посмотрел на него:

— Ты сказал, что я спортсмен?

Он улыбнулся:

— Я сказал, что ты будешь спортсменом.

Неоднократный абсолютный чемпион Советского Союза по боксу, мастер молниеносных и точных ударов Николай Королев поразил меня неторопливостью в движениях, чуть замедленной речью. Высокий, плечистый, с волнистой светлой бородой, с кулачищами, похожими на кузнечные молоты, — настоящий русский богатырь! О своем командире он говорил с нежностью. Королев был его адъютантом, вынес тяжелораненого командира из боя и семь километров тащил на себе, спасая от преследователей.

— Конечно, спортивная подготовка... — заме-

чаю я со слабой надеждой, что Королев опровергнет, скажет что-нибудь о духовном порыве, силе воли...

Вместо этого Королев радостно подхватывает:

— Именно спорт, доктор! Спорт помогал нам в самых трудных обстоятельствах. Вот, к примеру, операция, после которой немцы назначили награду за голову нашего командира. Так в этой операции нас определенно выручил спорт!

Дело происходило так.

Вскоре после того как городок Жиздра был оккупирован гитлеровцами, как-то ночью туда пришли партизаны-медведевцы. Они быстро разгромили гарнизон, захватили полицейскую комендатуру. Там были обнаружены два несгораемых ящика. Отпереть их сразу не удалось, и партизаны решили увезти их в лес, в лагерь.

В одном из ящиков оказалась крупная сумма советских денег. В другом — полицейские документы. Просматривая их, Медведев обратил внимание на заявление санитара советского военного госпиталя, попавшего в Жиздре в окружение. Санитар просил помочь ему срочно перебраться в Германию. Заявление показалось Медведеву подозрительным. Он вызвал разведчиков:

— Товарищи, после того как мы побывали в Жиздре, город наводнили гитлеровцы. И, однако, нам нужно снова туда заглянуть. На этот раз без шума. Пригласить к нам в гости одного человека. Вот адрес.

Разведчики переглянулись.

— А если он не согласится, можно пошуметь, товарищ командир?

— Ни в коем случае. Уговорите поехать к партизанам — раненых перевязать.

— Что ж, тогда пошлите с нами Королева, он кого угодно может уговорить.

Окраина Жиздры. Лунная ночь. На крышах, на земле — снег. Прижимаясь к дому, два человека бесшумно пробираются к крыльцу. Негромкий стук. Скрипят петли. Голова в платке высовывается из двери, разглядывает стоящих на крыльце.

— Ну-ка, мать, зови постояльца, — неторопливо говорит один из них. — Скажи, по его заявлению из полиции пришли.

Голова исчезает. И через некоторое время на крыльцо выходит высокий плотный человек в шинели и ушанке. Чернеет клинышек бородки.

— Вы санитар?

— Да, санитар... — говорит он и, сразу заподозрив неладное, наступает на незнакомцев.

— Спокойно! — говорит один из «полицейских», кладет ему на плечо руку и пригвозждает к крыльцу. — Это вы писали заявление?

— Я! — вызывающе отвечает санитар и сбрасывает с плеча руку. — Не советую применять силу. Я боксер. — Он насмешливо улыбается. — Ясно?

— Поехали с нами, боксер, — миролюбиво предлагает «полицейский», — добровольно. А?

— Куда? — Санитар незаметно опускает руку в карман шинели.

— В Германию! — говорит «полицейский» и вдруг неуловимым движением проводит свой знаменитый сокрушительный удар: подхватывает санитара, зажимает ему рот, поднимает, как пушинку, и несет за угол дома.

Второй на ходу вытаскивает у него из кармана пистолет и придерживает дрыгающие ноги. Через минуту слышится скрип полозьев и пофыркивание лошадей. И снова тишина. Луна. Снег...

Они стоят друг против друга — партизанский командир, коммунист Дмитрий Медведев и гитлеровский шпион. Да, санитар оказался шпионом. Три года он жил под Москвой с фальшивыми документами и шпионил, вредил и продавал свою родину. Почему? О, его следует понять! Он сын известного царского чиновника, крупного помещика. Гитлеровцы обещали ему высокое положение в Москве. Как только они ее захватят. Разве это не причина?

— За малым дело! — говорит Медведев. — Москву захватить! — Он смерил его уничтожающим взглядом. — Что ж, придется взять на себя выполнение чужих обязательств: обеспечить вам высокое положение в Москве!

Через два дня, вызванный по радио, приземляется на снежной поляне в тылу врага небольшой самолет. Шпиона, спеленатого, как младенца, укладывают в ящик для груза.

— Не заморозите? — тревожится Медведев.

— Тепленьким доведу! — смеется летчик.

В Москве шпион дает ценные показания. Удастся ликвидировать гнездо гитлеровской агентуры в самом городе. Выиграно еще одно сражение за Москву.

— И все с помощью спорта, — назидательно говорит Королев.

Готовя против нас войну, гитлеровцы засылали к нам шпионов, выводили наши военные секреты, наши силы. И в те первые тяжелые дни у врагов было преимущество — они знали о нас больше, чем мы о них. Теперь нужно было наверстывать упущенное. И командование принимает решение создать партизанскую базу в глубоком тылу врага, развернуть разведку в гитлеровской «столице» оккупированной части Украины — в городе Ровно.

— Вот это дело и поручается моему командиру — Дмитрию Николаевичу Медведеву, — говорит Королев.

— Николай, пожалуйста, познакомь меня с командиром!

Высокий, стройный, подтянутый полковник Медведев смотрит на меня доброжелательно.

Я представляюсь, коротко говорю о себе.

— Вы хирург? Оперировать умеете?

Мне так хочется произвести серьезное впечатление! И, хотя ни одной операции самостоятельно я еще не сделал, говорю басом:

— Что надо — отрежу, что надо — пришью.

Темно-синие глаза Медведева смеются.

— Нам далеко добираться, полетим на самолетах. С парашютом прыгнете?

— Прыгну, товарищ полковник! — кричу я, забывая о солидности.

Вместе со всеми учусь парашютному делу. Но времени отпущено мало. Нам показали парашюты, продемонстрировали, как их следует складывать. Объяснили, как прыгать, как управлять парашютом в воздухе, как приземляться. И предложили попробовать.

Парашюты были со страховкой: к куполу прикреплена длинная веревка — фála. На конце фалы замок — карабин. Перед прыжком нужно зацепить карабин за трос, натянутый под потолком в кабине. Когда парашютист падает, фала, закрепленная в кабине, вытаскивает из мешка парашют, и тот под напором воздуха раскрывается. В этот момент у самого купола фала от толчка рвется, и парашютист свободно снижается.

Солнечный июньский день 1942 года. Зеленое поле аэродрома. Мы в легких комбинезонах. За спинами — тяжеленные мешки с парашютами. Осматриваю товарищей. У всех необыкновенно бледные лица. Неужели волнуются?

— Ребята, что это вы такие белые? — говорю я громко и бодро.

— Хм, — посмеивается кто-то. — А ты на себя посмотри!

Украдкой считаю у себя пульс — 120! Значит, я трушу?!

Подползает большой транспортный самолет. Поднимают в воздух по двенадцать человек. Вот и моя очередь. Взревели моторы. Самолет оторвался от земли. Взмыл вверх. Стараюсь не смотреть в окно. Ребята очень оживленно обсуждают какой-то новый фильм. Я тоже. И вдруг, как взрыв, негромкий голос инструктора:

— Приготовиться!

Встали друг за другом, защелкнули за трос свои карабины. Дверь открыта.

— Пожалуйста, товарищи, — говорит инструктор, — на свежий воздух, прогуляться!

Мы двинулись к двери. Каждого инструктор провожает наставлением:

— Приземляться на обе ноги! Ноги вместе!

Порог! Заглядываю вниз. Ух, как земля далеко! А какой кудрявый зеленый лесок с желтой полянкой! И какие среди деревьев домики, беленькие, аккуратные, игрушечные! До чего красиво!.. И до чего прыгать не хочется!..

Но тут меня кто-то корректно подталкивает в спину:

— Что же ты? Давай прыгай!

Шагаю через порог, в воздух. Почему это назы-

вается «прыжок»? Я просто вываливаюсь из самолета. Попадаю в медвежьи лапы ветра. С удивлением обнаруживаю ноги у себя над головой. В чем дело? Где земля? Рывок! И вдруг тишина и покой. Я вишу вверх головой. Надо мной белый купол парашюта. Подтягиваюсь на лямках. Оглядываюсь. Золотой воздух вокруг. И кто-то надо мной кричит, смеясь:

— Доктор! Не торопитесь, подождите меня!

Как славно! И как легко на душе! Вот, оказывается, до чего просто — прыгать с парашютом! Я преисполняюсь гордости и самоуверенности.

А через несколько дней ночью далеко за линией фронта инструктор снова открывает дверь кабины и говорит:

— Товарищи!.. За Родину!.. Пошел!..

Свежая плотная мгла ударяет в лицо. Наступают тишина и неподвижность. Только лямки, в которых я вишу, нагруженный сумками и оружием, больно режут под мышками. Очевидно, я каким-то образом остановился в воздухе!

И вдруг вижу под собой дымные красные костры, машущих руками людей (нас встречают местные партизаны), и все это быстро уносится от меня в сторону. Что делать? Смутно вспоминаю инструкцию: чтобы задержать полет, следует натягивать то одну стропу, то другую. Парашют начинает медленно поворачиваться. Кружится голова. Поднимается отвратительная тошнота... На мгновение мне становится все равно — выпускаю стропу.

Прихожу в себя, оттого что ветки шуршат вокруг меня. Земля мягко толкает в ноги. Шелестя, рядом опадает парашют. Я вынимаю маузер, сажусь на пенек и вытираю со лба холодный пот. Оказывается, прыжок с парашютом — это не просто вывалиться из самолета. Прыжок с парашютом — это искусство!

Я сажусь на пенек и вытираю со лба холодный пот.

Почти два года с отрядом Дмитрия Николаевича Медведева провел я в глубоком тылу врага. За это время я прошел трудную школу, не только как врач, но и как спортсмен. И очень часто одно зависело от другого.

— Где доктор? Доктора скорее!

Я выглянул из шалаша. Ко мне приближался незнакомый человек с красной лентой на пилотке.

— Я здесь. В чем дело?

— Товарищ доктор, у нас в отряде тяжелораненый, а врача нет!

Медведев, наблюдавший за нами издали, кивнул мне головой.

— Что ж, я готов, пошли.

— Да нет, пешком долго. К нам километров тридцать!

— А, ну тогда сейчас повозку...

— Нет, что вы, товарищ доктор! Лес! Болота! Дорог нет. Туда никакая повозка не проедет.

Я удивился:

— Самолета же у нас нет. Как добираться?

— Очень просто — верхом.

— Верхом?

— Ага, я привел вам лошадь.

Парень говорил об этом, как о совершеннейшем пустяке.

За неделю до этого я уже однажды попытался прокатиться верхом. Дело было на привале. Дали мне какого-то недоростка — крошечную лошадку, с необычайно игривым характером. Она умудрялась, вывертывая шею, то и дело кусать меня за колени. А когда я проезжал мимо выстроившегося в поход отряда, то зацепился ногами за кочку, и наглое животное просто вышло из-под меня.

На следующий день в нашей газете появился

дружеский шарж: длинная, тощая фигура в коротеньком полушубке верхом на крошечной лошадке. В руках флажок с красным крестом и подпись: «Наша скорая помощь».

Теперь мне предстоял второй урок верховой езды.

При известии, что доктор сейчас поедет верхом, из всех шалашей высунулись ухмыляющиеся лица, один за другим потянулись к нам любопытные. Разведчик Борис Черный, не упускающий случая повеселиться, тут как тут.

И вот ведут ко мне высокую мохнатую кобылу с грустно опущенной головой. На ней партизанское седло: тонкий парашютный мешок с пришитыми к нему брезентовыми петлями вместо стремян. Под брюхом седло стянуто веревкой.

Не желая устраивать спектакль из второй своей поездки, я быстро разбегаюсь, чтоб ловко, по-кавалерийски, вскочить в седло. Кобыла косится на меня, видит, что я на нее бегу, делает шаг вперед... Удар! Я лежу на земле, а рядом катается от хохота Черный.

— Нельзя же бодать ее в брюхо! — задыхаясь, говорит он.

Поднимаюсь и подхожу к лошади с другой стороны. Стать ногой в стремя нельзя, так как седло плохо закреплено и непременно сползет. Цепляясь за гриву и длинную шерсть на боку, медленно подтягиваюсь на руках и... повисаю. Пытаюсь забросить ногу, но кобыла грациозным движением стряхивает меня.

Со всех сторон слышатся шутки, советы. Кто-то придерживает лошадь под уздцы, кто-то, ради смеха, — за хвост. Мне подставляют колена, подсаживают. И наконец я в седле, высоко над землей. Борис

Удар! Я лежу на земле...

Черный суетится, заправляет мои ноги в брезентовые стремяна, с поклоном подает ивовый прутик. Беру его в левую руку, перекладываю в правую. Потом чувствую, что начинаю вместе с седлом медленно сползать набок. В отчаянии хватаюсь за веревочные поводья и вдруг... ветер свищет у меня в ушах, кусты то взлетают, то проваливаются. Меня трясет, швыряет во все стороны. За что-то хватаюсь, что-то кричу. Лес наползает на небо, все темнеет. Во рту клочья лошадиной шерсти, и перед глазами надой лошадиное брюхо — вместе с седлом я перевернулся и вишу под лошадью.

Когда меня вытащили из-под кобылы, я увидел, что отъехал всего шагов на тридцать. Окружающие, отдуваясь, вытирали слезы. А Черный с серьезным лицом подошел и пожал мою руку:

— Спасибо, доктор, спасибо, родной.

Тут мне стали объяснять, как нужно держаться в седле, что такое шенкеля и многие другие кавалерийские премудрости.

И вот мы наконец шагом выезжаем из лагеря. Мой провожатый оборачивается и командует:

— Легкой рысью.

И мы мчимся сквозь лес. Вернее, легкой рысью мчится он, а я трясусь следом, как мешок с сухарями. Я не знал, что нужно приподниматься в седле в такт шага лошади. Уже через несколько минут чувствую, что все мои внутренности оторвались и болтаются во мне как попало. Затем присоединяется новое, не менее «приятное» ощущение. Партизанское седло тонкое. А кобыла оказалась удивительно острая. И меня начинает методично распиливать на две равные половины. Пытаюсь остановиться, натягиваю поводья. Задержать кобылу немислимо.

Когда, по моим расчетам, я был распилен до клю-

чиц, показался соседний лагерь, лошади остановились, и мой провожатый кому-то недовольно доложил:

— Привез. Еле тащились.

Сбежавшиеся партизаны долго стояли вокруг меня и удивлялись, почему это приехавший доктор никак не сойдет с лошади. Наконец я взмолился:

— Снимите, братцы!

Мне помогли сойти, отвели к раненому, и обработку раны я делал лежа на животе.

В лагерь я возвращался пешком.

Отчитываясь перед командиром, говорю, что великолепно проехался, и выпрашиваю себе верховую лошадку.

— Зачем, доктор? — посмеивается Медведев.

— Учиться, товарищ командир!

И я учусь, падая, ударяясь, учусь, потому что и это, оказывается, нужно уметь партизанскому врачу.

Спорт был нашим оружием. Спортсмены — нашими лучшими боевыми друзьями. Они научили нас не только своему мастерству, но и великому чувству товарищества.

Спортсмены любили стихи и музыку, веселье и шутку. И они были мужественны до конца.

В тяжелом бою сложил свою голову конькобежец Анатолий Капчинский. Под огнем вражеского пулемета погиб Саша Долгушин. Не вернулся из боевой разведки Валентин Фролов, трагически погибли Серафим и Георгий Знаменские... Слава и гордость нашего народа!

Помни их имена!

О чем говорил мальчик

Со всех сторон мне говорят: готовься стать героем. И сами же не дают — воспитывают, как маленького. Мне знаете как хочется скорее стать взрослым! Мечтаю военную форму надеть, научиться танком управлять, закурить... Чего вы смеетесь? Так скорее повзрослеешь. Возмужаешь. Витька вчера говорил: хочешь мужчиной стать — закури. А у нас в школе двух мальчиков увидели с папиросами, так настоящий суд устроили. Мам вызывали — те плакали...

Почему взрослым все можно, а нам все нельзя? Вы-то небось курите? Наверно, до отряда, до войны, в школе еще курили... Нет, что ли?

ПЕРВАЯ ТРУБКА

Ты угадал, я закурил впервые в жизни задолго до войны. Когда был ненамного старше, чем ты сейчас. Детство мое шаталось по шумливым улицам Одессы, в просоленной и просмоленной портовой толпе, на морском берегу... И мне, как и тебе, не терпелось поскорее стать настоящим мужчиной.

С детских лет храню я смешную и грустную историю о моей первой трубке. Как страстно мечтал я о ней! Трубка, обыкновенная трубка, зажатая в зубах, как ничто другое, олицетворяла для меня мужественность. Завороженный, я глядел на белоснежный капитанский мостик под высоким синим небом; там в золотых зубах капитана торчала длинная, прямая трубка, точно выброшенный вперед кулак. В этой трубке для меня было все Черное море — его солнечная истома, грохот водяных обвалов, лохмотья туч и пены... Гордая схватка человека с морем! Зарывая босые ноги в горячий песок, я глазел на окутанных табачным дымом настоящих мужчин, знающих, что такое шторм, и аврал, и морская дружба, и мечтал о моей трубке.

Купил я ее на первый заработок, когда, окончив школу, стал работать помощником ночного корректора в газете.

Вечером в пыльном комиссионном магазине на Дерибасовской улице тощий продавец с голым черепом ловко подхватил ее своими длинными желтыми пальцами и жестом факира подал мне. Трубка окан-

чивалась головой Мефистофеля. И в тусклом свете засиженных мухами ламп мне почудилось, что деревянный черт ухмыльнулся и подмигнул мне: «Не робей, я принесу тебе счастье!» На другой день трубка должна была решить мою судьбу.

Всю ночь острая бородка Мефистофеля в кармане кителя сверлила мне грудь. Гранки расплывались перед глазами. И утренний номер газеты оказался настоящим ребусом из опечаток. На рассвете, едва дослушав длинейшее правоучение моего крикливого, добродушного начальника, я вырвался из редакции и бросился к морю.

Широкие пустынные улицы еще спали в предутренней сероватой дымке. Но в узких приморских переулочках уже были отворены двери домов, и на порогах женщины, опустившись на корточки, накачивали примусы и обваливали в муке скумбрию.

Я выбежал на обрыв. Свежий ветер полоснул меня по лицу, растрепал волосы, плеснул мне в рот, в грудь холодный рассол. Море шумело подо мной, вставало синей стеной до горизонта, заслоняя небо. Но вся эта шевелящаяся масса воды не подавляла, не пугала — я чувствовал себя сильнее. Мне было пятнадцать лет. Я выходил в жизнь!

Когда небо над головой загустело, будто розовое топленое молоко, а по морю протянулись длинные зеленые клинья, я понял, что за моей спиной над городом уже взошло солнце и скоро Надя будет здесь.

Вы понимаете, конечно, что трубка была только первым звеном в цепи мужественных поступков, которые я намеревался совершить. Но ей отводилась главная роль. Да, именно трубка заставит Надю увидеть меня в новом свете, признать взрослым, достойным уважения и дружбы, прекратить свои постоян-

ные насмешки, подтрунивания по поводу моего маленького роста и петуха на макушке.

Я уже принес весла и подтащил лодку к воде, когда Она в сопровождении Феде появилась на берегу. Ясное дело, он опять зашел по дороге за Надей. Высокий, широкий и неповоротливый, как шкаф, он покорно плелся за ней и смотрел ей в затылок влюбленными глазами. Надя махнула мне рукой, затрясла своими будто просмоленными кудряшками, захохотала (при виде меня она всегда начинала смеяться) и, скинув тапочки, вбежала в воду. Взявшись руками за борт, легко прыгнула в лодку. И сразу бросилась там, на носу, навзничь и опустила вниз к воде, как крылышки, тонкие руки. В щелочках прищуренных глаз горели оранжевые зрачки — следили за мной, подкарауливали, чтобы при первом же моем неловком движении радостно вспыхнуть... Но я уже не боялся их!

Федя взялся за весла. Я выждал, пока мы пройдем полосу подводных скал, и легко установил под кормой руль. Обычно эта операция проходила мучительно, под непрекращающийся хохот там, на носу. Но сегодня все спорилось — трубка была со мной!

Небрежно откинувшись на корму и придерживая локтем румпель, я не спеша достал трубку из кармана.

Краем глаза я увидел, как Надя встрепенулась, как вытянулась круглая физиономия Феде.

Молча, так же неторопливо я вытащил спичечный коробок. Правда, при мысли, что на ветру я не сумею закурить, сердце у меня ёкнуло. Но я не подал виду. И закурил с первой же спички!

Вытянув ноги, я с наслаждением затанулся...

Железные клещи намертво сдавили мне горло.

Как раз в этот момент Надя самым невинным тоном спросила:

— Куда мы — в Аркадию? Или в Лузановку?

Она довольно долго ждала моего ответа. Мне удалось глотнуть воздух в тот миг, когда я уже считал, что дело кончено и никогда в жизни я больше не вздохну. Я шлепнул ладонью по воде, чтобы холодные брызги смешались на лице моем со слезами от удушья. Ловко сплунув за борт, с презрением сказал:

— Гром и молния! Опять попался паршивый табак! — В лодке воцарилось мертвое молчание. Не глядя на моих друзей, я бодро продолжал: — Куда плыть? Черт возьми, в открытое море! Не болтаться же у берега!

— В море так в море, — мрачно пробурчал Федя и так заработал веслами, что вода за кормой забурлила.

Ура, он завидовал мне! И Надя не смеялась. Она притихла. Я знал, о чем она задумалась. Ее терзало раскаяние в слепоте, в пренебрежении, в насмешках, которыми она оттолкнула меня — самого верного своего друга, своего защитника... Теперь я могу себе признаться — два года я страдал, страдал отчаянно! Ведь мы трое дружили уже давно. Вместе бегали на море, играли в одной волейбольной команде, вместе готовили уроки, ходили в кино. Мы хорошо дружили. Нас даже ставили другим в пример, называли «святой троицей». Ну как же, такое братство! Ведь в работе Федя всегда все делал за себя и за меня, в потасовках меня защищал. Я так же самоотверженно помогал им в математике. И никто не подозревал о том, что творилось в моей душе, когда мы втроем стояли в вестибюле школы у большого зеркала и я косился на отражение стройной высо-

кой девушки, широкоплечего гиганта с добрым, открытым лицом и с отвращением рассматривал рядом с ними веснушчатого заморыша с тонкой шеей и большой головой. Кто мог понять, почему я с таким жаром вдруг начинал им объяснять бином Ньютона в тот момент, когда они, увлекшись разговором, забывали обо мне и слишком долго смотрели друг другу в глаза!.. И сегодня они увидели, кто такой этот хилый сморчок в веснушках! (Тут я затянулся и надолго закашлялся.) Ничего, я буду курить! Она увидит, кто из нас двоих настоящий мужчина. И я не удивлюсь, если Надя еще поплачет от стыда и досады...

На носу действительно раздалось всхлипывание.

Федя поглядел на нее через плечо и недовольно сказал:

— Надя, перестань!

— Не... не могу... — задыхаясь, проговорила она.

Мне стало смешно, что она от гордости пытается скрыть слезы. Но решил сделать вид, что не замечаю ее состояния. Я чувствовал себя победителем, я был снисходителен...

От курева приятно закружилась голова и золотисто-черное море стало медленно вращаться вокруг меня. Полулежа на корме, я чуть шевелил рулем и жадно, со страстью втягивал в легкие густой, ароматный дым. Теперь я твердо знал, что едва мы причалим, Надю пойду провожать я, а Федя останется один на берегу, чтобы, как некогда я, сетовать на свою судьбу и на человеческую жестокость... Дым пронизал меня насквозь, окутал вокруг небо и море желтым туманом.

Вдруг корма выскользнула из-под меня, руль повернулся, лодка с шорохом, накренившись, пошла по кругу. И я с ужасом почувствовал, как холод,

поднимаясь откуда-то из-под ложечки, охватывает меня всего, как цепенеют мои ноги и руки. Словно опутанный липкой сеткой, тщетно пытаюсь встать. Тело мое начинает мелко подергиваться. Покрываюсь холодным потом. Меня охватывает непреодолимая слабость. И, как сквозь толщу воды, еле слышно доносится голос Нади:

— Смотри, он позеленел!.. Ему плохо!.. Он обкурился!..

Эти слова почему-то вызывают у меня ощущение проглоченной жабы, и я едва успеваю перевалиться головой через борт. Меня крепко держат за пояс. Потом втаскивают в лодку...

Я неподвижен, обессилен, невесом. Тишина. Только равномерные, глухие удары волн о борт лодки. Мне все безразлично. Никогда больше я не открою глаза, не увижу моих друзей.

Они изо всех сил старались говорить шепотом:

— Зачем ты смеялась?!

— Ну отчего же он вдруг закурил?..

— Ты не понимаешь?

Молчание.

— Такой маленький, и такую длинную трубку!

— Опять смеешься, злюка!

— Понимаешь, Федя, до этого я как-то не замечала, что он совсем еще ребенок...

— Да, я видел, что он тебе нравится...— Голос у Феде звучал глухо и хрипло.— Я всегда это видел...

И снова долгое, бесконечное молчание.

И потом такой жалобный, протяжный голос Нади:

— Да, Федя, правда. Сейчас мне это так странно... и непонятно... Сейчас мне его только очень жалко, Федя...

Наконец лодка зашуршала днищем по гальке,

кто-то сильным рывком выбросил ее на берег, и она, тупо вздрогнув, замерла.

— Я пойду, Федя. У меня скоро урок,— тихо и просительно сказала Надя.

Много-много минут прошло, прежде чем я открыл глаза. Федя сидел на борту, подставив солнцу шоколадную спину, и читал учебник. Не поворачивая головы, он проговорил:

— Никотин —ведь это же яд. Тяжелейшие заболевания кровеносных сосудов, сердца, нервной системы вызывает одна капля...

Я молча встал и, не дослушав, не попрощавшись, ушел. Навсегда.

Вот и вся история. Смешная, детская история... Она учит простой истине: трубка в зубах еще не делает тебя капитаном.

О чем говорил мальчик

Что же остается нам, детям, в мирное время, чтобы стать героями? Конечно, родители и учителя сейчас же скажут: учиться! Но вы-то, вы знаете, что нет в этом ничего героического. Ни капельки! Ну да, если загорится коровник, броситься в огонь и вывести всех коров — это подвиг. Или спасти утопающего. Или поезд остановить, если путь поврежден. Но вот сколько я уже живу на свете... Чего вы? Мало живу? Я считаю, сознательной жизни — 10 лет. И за все эти годы мне ни одного пожара не встретилось, ни одного утопленника... Так ведь можно до старости дожить и никакого случая для подвига не найти!

МУЖЕСТВО

В детстве Николай Иванович Кузнецов ни разу не спасал никого на пожаре, не нырял за утопающим. Но именно тогда закладывались в нем черты, из которых сложился характер разведчика Кузнецова.

Как часто жалею я о том, что не был товарищем его детских игр, что не на моих глазах прошла жизнь, конец которой я видел. Узнал бы я в маленьком Никоше, как звали в детстве Кузнецова, будущего героя? Представляю себя рядом с ним в тот день, когда он шел из своей глухой уральской деревушки Зырянки в большое село Балаир.

Воскресенье, раннее летнее утро. По лесной наезженной дороге шагают семилетний Никоша и его друг — пятилетний Егорка. Оба босые, в заплатанных коротких штанишках, в выгоревших добела холщовых рубашках. Идут быстро — торопятся. Дело серьезное: поглядеть, что привезут на базар, потолкаться в толпе.

На небольшой площади перед церковью уже стояли в два ряда отпряженные повозки. Стреноженные кони тут же рядом щипали траву. Повизгивали привезенные на продажу поросята. Несколько баб копошились у повозок, раскладывая на подстилках свое добро.

Но настоящая торговля еще не началась — шла служба, и торговцы и покупатели были в церкви.

Мальчики, томясь, обошли площадь, заглянули в церковь. Народу там было много. Из синего сумрака тянуло ладаном, мелко и безнадежно монотонно дребезжал старческий голос священника.

— Как долго-то еще! — с тоской сказал Егорка. — Никоша, давай молиться, чтоб служба поскорее кончилась!

— Да ну его, бога! — Никоша пренебрежительно двинул плечом. — Его просишь, просишь, а он хоть бы что!

— А ты еще попроси! — заныл Егорка.

Глаза у Никоши сверкнули.

— Лучше я сам! Заместо бога...

И не успел Егорка сообразить, что к чему, как Никоша ухватился за веревку, свисавшую с колокольни до самой земли, и изо всей силы несколько раз дернул. Громко и резко прозвонил колокол.

Какая-то баба с очумелым лицом выскочила на паперть, закричала:

— Господи! Неужто пожар?

— Пожар! Пожар! — закричали в церкви.

Началась давка, и народ полез из дверей.

Егорка заливался счастливым смехом.

Вышел на крыльцо церковный староста в высоких сапогах и в длинном сюртуке, окрикнул начальственно:

— Где горит, православные?

Но от повозок бежала сморщенная коричневая старуха, как баба-яга, костлявым пальцем указывала на мальчиков и пронзительно кричала:

— Они, окаянные! Зырянские охальничают!..

Егорка опять не сразу сообразил, что произошло.

Никоша увидел, как лицо церковного старосты из длинного и бледного внезапно сделалось широким и красным, крикнул:

— Беги, Егорка! — и бросился наутек.

Но тот не успел. Староста, извиваясь от злости, уже выкручивал ему ухо.

— А, разбойник! А, нехристь собачья!.. — шипел он, захлебываясь.

Егорка отчаянно голосил.

Никоша был далеко, когда услышал крики друга. Он оглянулся и увидел, как Егорку волокли к церкви...

Швырнув мальчика на пол, озверевший староста трясущимися руками уже срывал с себя ремень. Вдруг толпа зашевелилась, и рядом с Егоркой появился Никоша.

Он хмуро, исподлобья оглядел собравшихся, поднял глаза на старосту:

— Чего замахиваешься? Я звонил.

Староста оторопел:

— Ты? Сам?

Никоша вскинул голову:

— Один. А его не трожьте. Он ни при чем.

Егорка мгновенно исчез.

— Ну, один и получай! — гаркнул староста и со свистом полоснул Никошу пряжкой по спине.

Мальчик пошатнулся, но удержался на ногах.

— Ну, что, еще хочешь? Еще? — медленно, сквозь зубы говорил староста, оттягивая руку с ремнем.

Мальчик стоял прямо, не отклоняясь, ожидая второго удара.

— Ладно, буде, — проговорила какая-то женщина, жалея.

Толпа расступилась. Никоша поднял голову и не спеша пошел из церкви.

Егорка поджидал друга в кустах у дороги. Никоша молча взял за руку ревушего мальчугана и повел.

Только в лесу, на берегу речки, где Никоша обмывал студеной водой вздувшийся багровый синяк, Егорка понял, от какой беды спас его друг.

— Били! — ужаснулся он. — Больно? — И опять захныкал.

— Ну их!.. — сказал Никоша, натянул рубаху, насупился. — Думали, я испугаюсь, просить буду... Не реви! — Вытер Егорке лицо рукавом рубахи, и они пошли домой...

Маленький Никоша Кузнецов проявил настоящее мужество. Так он поступал всегда. Чем больше узнаешь о его жизни, до войны обычной и незаметной, тем яснее видишь дорогу, которая привела его к подвигу. Именно в самых обычных делах нужна ежеминутная готовность к мужеству. И не стоит успокаивать себя тем, что в житейских мелочах можно уступать трудностям, несправедливости, нарушить слово, а в минуту опасности быть героем. Бесчестный в малом — не способен к подвигу в большом. Не опасность рождает героя — вся жизнь.

Так было всегда. Так происходит и сейчас.

Знакомый инженер рассказал мне о рабочем-подростке Игорьке. Думаю, на его месте Никоша Кузнецов поступил бы так же.

...Игорек — самостоятельный парень. Отец у него умер давно от тяжелой болезни. Мать много работает, домой приходит поздно. И он давно чувствует себя самостоятельным.

Вот и сейчас Игорьку нужно решить трудную задачу: сказать Кузьме Михалычу, что он о нем думает, или промолчать?

Игорек осторожно выбирает из колодца ведро, бережливо переливает воду.

Сказать страшно — Кузьма Михалыч выгонит из бригады. И вообще страшно увидеть в этот момент его лицо!

Когда полгода назад начальник цеха впервые привел Игорьку к этому огромному усатому человеку с умными глазами, Игорьку он сразу понравился. Таким именно он и представлял себе настоящего мастера. Таким мечтал стать, когда еще только решил идти работать на завод.

Игорек оставляет ведро на крыльце в тени, зачерпывает ковшиком, идет в кухню долить кастрюлю — мясо варится долго, и мать наказала кипятить подольше, до развару.

Придется дров подколоть. Игорек идет к сараю, берет колун, выискивает поленце послойстее, укрепляет среди корней старой ветлы.

Тогда, при первой встрече, Кузьма Михалыч смерил его взглядом, посопел в усы недовольно:

— Подросток! Давай ему первую смену. Шесть часов. Легкую работу. Возиться!

Начальник цеха проямлил:

— Ну, Михалыч! Передовая бригада... Лучший мастер. Кто, кроме тебя, научит? Справишься, а?..

Игорьку стало обидно. Он насупился и сказал зло:

— Подумаешь, подросток! Я все буду делать. Наравне.

— Серди-итой... — удивленно протянул Кузьма Михалыч и усмехнулся. — Ладно. Беру. До первого отказа.

Игорек нацеливается на полено и думает о том, что завтра он должен отказаться. В первый раз. И, значит, в последний. Кузьма Михалыч словами не сорит.

Игорек ударяет, нажимая только в самом конце

маха, как учила мать,— тогда удар точнее. Поленце колется с хрустом, как спелый арбуз.

Огонь в печке сразу оживает. Игорек подсыпает соли в кастрюлю и засматривается на огонь.

Что скажет мать? Он так гордился, что сам зарабатывает деньги. Ей одной трудно. Когда объявил, что идет на завод работать, она только отвернулась и ничего не сказала. Но он знал — она довольна.

Как теперь сказать ей? А может, не стоит ему вмешиваться? Пусть все идет как идет. Ведь лично у него-то все в порядке, Кузьма Михалыч им доволен. И он — подросток, а те — взрослые. План они выполняют... План! В нем все дело. И разве это правильно, если взрослые говорят одно, а делают другое? И разве может быть одна правда для взрослых, а другая для детей? И, если ты видишь неправду, разве ты имеешь право молчать?

Он скажет. Его выгонят из бригады. А вечером мать узнает, и промолчит, и снова отвернется...

Приходит мать. Игорек сразу замечает, она не в духе: сорвала с головы платок, бросила на кровать. Даже не взглянула в зеркало. И пошла возиться по дому. Видно, устала. Она, когда устанет, берется тяжелую работу вначале сделать.

Игорек смотрит, как она, согнувшись, моет пол. На белом лбу между бровями морщина, и губа закусена.

И сын решает сегодня ничего не рассказывать. Завтра. Когда все кончится. Заодно.

Утром цех встречает Игорька потоками солнца, тихим гулом утренних разговоров, молчанием станков. Издалека он видит высоченную фигуру мастера, который первым, как всегда, обходит участок бригады. Кузьма Михалыч примечает Игорька, кивает строго, по-деловому, как равному.

— Сегодня станешь на расточку,— бросает он.

Срок ученичества окончен, Игорька переводят на операцию!

Всю смену Кузьма Михалыч то и дело подходит, молча смотрит и молча отходит.

Только один раз замечает:

— Левый локоть пониже — легче пойдет.

И правда, так удобнее. Кузьма Михалыч настоящий мастер — все операции в тонкостях знает, всегда вовремя подскажет. Его бы благодарить. А вместо этого... У Игорка сжимается сердце. До конца смены остается час, тот самый час, о котором Игорек весь день старался не думать.

Еще в первые дни Игорек все просил мастера не отправлять его на час раньше, дать ему доработывать со всеми. В этот последний час он был, что называется, на подхвате: убирал стружку, бегал в ОТК, в инструменталку. Игорек стал ловить на себе дружелюбные взгляды рабочих. С ним уже вели деловые разговоры. Постепенно он вошел в заводскую жизнь. И тогда понял, что присходило у них в бригаде в этот последний час. И это было страшно.

Вот по проходу медленно идет начальник цеха. Игорек знает: он идет продолжить вчерашний разговор с Кузьмой Михалычем.

Кузьма Михалыч выпрямляется и встречает его спокойным взглядом.

Начальник снимает кепку, приглаживает мальчишеские белобрысые волосы, трет ладонью нос, вертит в пальцах какой-то болт — вообще делает массу ненужных движений.

Кузьма Михалыч невозмутимо ждет.

— Ну так как же, Кузьма Михалыч? — произносит наконец начальник и при этом щурится, точно от солнца.

— Насчет чего, Василий Палыч? — Бригадир делает вид, что не понимает.

— Вчерашний наш разговор... Придумал что-нибудь?

— Чего же придумать... — Кузьма Михалыч тяжело двигает подбородком. — Ни два, ни одного сверх плана не вытянем. Дать бы ко времени что положено!..

Молодой начальник цеха грустно оглядывает участок бригады. Люди склонились у станков, на спинах лоснятся спецовки. И так ловко и уверенно движутся руки...

— Может, бригаду собрать, посоветоваться?

— Говорили! — презрительно бросает бригадир. — Нельзя!

— Досадно! В других цехах нашли резервы. А у тебя, на решающем участке, — стоп! И все обязательства летят. Досадно... — Начальник вздыхает и расстроенный идет к себе в контору.

Игорьку кажется, что кто-то душит его, что он сейчас закричит, завопит: неправда-а! Этот пожилой, солидный, уважаемый человек лжет! Да, та самая, последняя деталь, которую через час понесут сдавать, уже закончена, уже лежит припрятанная среди заготовок. А весь этот час бригада будет возиться со старыми деталями, которые кто-то тайком приносит для ремонта и тут же расплачивается с бригадиром наличными. Завод выпускает холодильники, бригада делает для них самую важную и самую сложную деталь.

Кузьма Михалыч неторопливо идет к станку и, замечая Игорька, весело подмигивает:

— Сегодня будешь мне помогать. Становись, Горюха!

Он наклоняется над кучей заготовок, но на пол-

пути вспоминает взгляд мальчика и поднимает голову.

— Чего ты? Я всерьез. Сделаю из тебя мастера! — Он ободряюще улыбается.

Игорек бледнеет и беззвучно шевелит губами.

— Робеешь? Со мной не пропадешь.

Игорек с трудом выдавливает еле слышное:

— Не могу, Кузьма Михалыч...

— Научишься. Давай, давай, время дорого! — торопит бригадир.

И вдруг лицо мальчика покрывается красными пятнами.

— Не хочу! — говорит он громко.

И замирает.

Бригадир внимательно смотрит на низкорослого паренька, на то, как он упрямо клонит свою круглую лобастую голову, точно молодой бычок, и начинает кое-что понимать.

— Имей в виду, подзаработаешь.

Игорек молчит.

— Гордишься?

Игорек молчит. Бригадир подходит ближе и говорит вполголоса:

— Ты, может, считаешь, я ворую? Так вот знай, деталь эта не заводская. Ребята ходят по домам, ремонтируют холодильники, несут мне на расточку... Так что и план даем, и себя не забываем. Все честно!

Игорек вскидывает голову и со стыдом видит жалкую улыбку на лице бригадира.

— Как же честно, Кузьма Михалыч, когда начальник цеха только что... Когда все цеха на нас... А мы...

Бригадир темнеет лицом, распрямляется.

— Хватит! Разбрехался! Завтра же в бригаде духа твоего не будет, ученичок! — Тяжело поворачивается, шагает и, вспомнив, говорит через плечо: — Можешь идти доносить! Только знай: ничего не докажешь!

Игорек думал, что самое страшное — объяснить с бригадиром. Но когда вечером приходит мать и с порога спрашивает: «Ну, как первый взрослый день?» — а он, возясь у почтового ящика, бормочет: «Нормально...» — грудь у него разламывается от боли.

Мать входит в комнату, садится и долго смотрит на него сияющими глазами.

— Присмотрела тебе теплую куртку — с осени по вечерам в школу ходить. Серую. С кепкой. Купим на твою первую взрослую получку.

Тут у него сердце совсем останавливается, и он говорит:

— Не будет полочки. Ничего не будет.

Очевидно, мать не понимает и продолжает улыбаться. Тогда он рассказывает все одним духом.

Он говорит, глядя в глаза матери, и радуется, что глаза ее не потухают. Напротив, они сияют все ярче, скоро блеск их становится нестерпимым. И только тогда Игорек замечает, что это блестят слезы. Почему-то он начинает дышать быстрее и громче. Что она скажет? Осудит? Испугается? Пожалуется?

— Ты у меня молодец, сын! — говорит она, стремительно встает и уходит в свою комнату.

Игорьку слышно, как она шумно возится там и, кажется, даже напевает. Потом она выглядывает в дверь:

— А знаешь, он побоится тебя уволить, вот увидишь!

И заливается своим беззвучным смехом, который всегда наполняет его счастьем...

Я очень хотел познакомиться с Игорьком. Но, когда я пришел на завод, в цехе, где работает Игорек, шло собрание — обсуждали план. И я только смог издали увидеть маленького, круглоголового паренька, который, как равный, сидел среди старых рабочих.

Каждый день, на каждом шагу жизнь предлагает тебе выбирать: ложь и трусость или правду и мужество.

Выбирай мужество, мой мальчик!

О чем говорил мальчик

Теперь наконец я скажу вам... При-
знаюсь в самом главном, в самом ужас-
ном. Вы увидите. Я никому этого не го-
ворил. Но я-то сам про себя знаю! Ска-
жу. Сейчас... скажу...

Я трус. Трус! Никто даже не подо-
зревает, как часто мне бывает страшно!
Мне страшно в темноте. Страшно в лесу.
Страшно одному в квартире, когда все
уходят в гости. Я боюсь молнии. И от-
дельно боюсь грома. Когда мы были на
море и я сидел на скале среди воды и
налетел ветер, черная туча закрыла не-
бо, вода почернела и забурилась — ой, я
чуть не умер со страху!

Я боюсь собак и коров. Я даже гусей
боюсь! От высоты у меня щекочет под
коленками и замирает сердце. Когда
драка, и, пока еще не пришла моя оче-
редь драться, я все время боюсь. Когда
дерешься — легче, забываешь... У дос-
ки я боюсь так, что у меня темнеет в
глазах.

А герой не знает страха! Верно?

Глядя в ее испуганные, широко раскрытые мокрые глаза, Рябов придумывал, как бы половчее обернуть разговор в шутку и поскорее отослать девушку домой. До темноты оставалось еще часа полтора, и она вполне успела бы выбрать-ся на шоссе из этих дремучих зарослей орешника.

— Ладно, не трясись, я пошутил! Никаких партизан тут и на тыщу верст не найдешь! — грубо сказал он и протянул руку к бумажному свертку. — Для дружка я бинты просил... Дерево он рубил, не увернулся — ногу посек... — И, понимая, что это никак не объясняет девушке, почему ее заставили нести бинты в лес, вместо того чтобы взять их у нее в городе, Рябов все же стал плести нескладную историю о дружке, который повредил себе ногу.

Она слушала не мигая, потом вдруг, словно застыдившись чего-то, опустила глаза и торопливо проговорила:

— Да, да, конечно... Перевязку ему нужно... Я научу... Где у него рана?

Чертыхаясь про себя, Рябов послушно вытянул ногу и ткнул пальцем в колено:

— Тут у него получилось, понимаешь...

Она опустилась перед ним на колени и, вынув бинт, стала показывать, как следует накладывать повязку.

Командир поручил Рябову привести в отряд опытного фельдшера для группы подрывников,

уходящих в дальний рейд. Фельдшера в городе искали долго. Наконец один из подпольщиков сообщил, что нужный человек найден. Правда, не фельдшер: девушка перед войной в школе окончила какие-то медицинские курсы. И вот теперь ее привели сюда, на партизанский маяк. А оказалась она совсем девочкой! Вон как дрожат тонкие пальцы, прилаживающие бинт на его ноге. Привести в отряд вместо фельдшера этого перепуганного ребенка?! Нет уж, пусть уходит, пока не поздно.

— Ладно, понял,—сказал Рябов, распахивая по карманам бинты.—Спасибо. Иди. Вот по этой дороге до большака. А там шоссе рядом.

Она не уходила. Судорожно зажав в кулаке полу маминого выцветшего, много раз штопанного жакета, смотрела на Рябова полными слез глазами и молчала.

— Ты не бойся,—успокоил ее Рябов,—тут тихо, никого нет. И я с четверть часика подожду, пока на большак выйдешь. Я бы проводил, да мне нельзя... Ну, а в случае чего, покричи, подоспею.

Он передвинул под пиджаком гранаты, подвешенные к поясу, вытащил пистолет и ободряюще улыбнулся.

Губы у нее дрогнули, скривились, глаза вдруг сузились и стали злыми. Она резко повернулась и пошла, так и не сказав больше ни слова.

Когда маленькая фигурка скрылась среди густых кустов орешника и шаги ее затихли в отдалении, Рябов уселся на пенек и стал свертывать козью ножку.

Бедняга! Каково ей приходится в такое тяжелое время! Может быть, все же следовало забрать ее в отряд? Просто, чтобы спасти от голодной смерти. Рябов подумал о своей сестренке, оставшейся в дале-

ком Оренбурге, — ей уже двенадцать лет, она в отца и ростом, наверное, сейчас как эта девчушка... Он даже не спросил, как ее зовут. Ей лет пятнадцать на вид, а может, и того меньше... Нет, нет, нельзя брать в отряд такую обузу. Предстояли жаркие дела, и партизаны даже повозки бросили, чтобы быть налегке.

Он щелкнул зажигалкой, закурил. Но затянуться не успел. Кто-то бежал к нему от большака, продираясь через кусты. Одним прыжком он метнулся за дерево и взвел курок.

Это опять была она. Косички растрепались. Свежая царапина в красных капельках крови шла через весь лоб. Она остановилась посреди полянки, растерянно озираясь.

— Эй! Что там? — окликнул ее Рябов.

Она бросилась к нему:

— Немцы!

Он присел, с силой рванул ее за руку, заставил пригнуться.

— Не маячь! Где?

— Уже на дорогу вышла... Оглянулась, смотрю, ходят по лесу... Меня они не заметили...

— Ну, ну, ну! — торопил ее Рябов, напряженно всматриваясь в лесные сумерки.

— И я назад побежала...

— Испугалась!

Она не ответила. Нашаривая в кармане запасную обойму, он с досадой проговорил:

— Эх, надо было тебе в город удирать!

Впереди послышался треск сучьев, негромкие голоса. Гитлеровцы подходили цепью. Стрельба началась сразу...

Девушка бежала следом и, оглядываясь, он видел ее потемневшие глаза и судорожно закушенные

губы. Разрывные пули, ударяя в деревья, цокали и фыркали вокруг. Дробь автоматов и крики приближались. Она все бежала за ним, только лицо ее стало совсем белым и она чаще спотыкалась. Еще раз оглянувшись, он увидел, как она поднималась с земли, из ссадины на коленке текла кровь. И теперь она уже еле брела, прихрамывая. Иногда куст орешника или разросшаяся ель совсем скрывали ее, и Рябов останавливался и ждал, пока она снова покажется на тропинке.

Шум погони на мгновение стих. И тогда кто-то совсем рядом пронзительно завопил по-немецки:

— Здесь!

— Бегом! — прикрикнул на нее Рябов.

Но она не могла. Задыхаясь, пошатываясь, ничего не видя, шла, не разбирая дороги, натыкаясь на ветки и пни. Рябов даже застонал от жалости к ней и к себе.

— Пропадем мы тут с тобой! — Схватил ее за плечи и сердито сказал: — Прямо по дороге! В село придишь! Я прикрою!

Но она не двигалась с места. Он с силой толкнул ее на тропинку:

— Уходи, ради бога!

И, встав за дерево, прижал к шелковистой березке ствол пистолета, не торопясь прицелился в показавшуюся среди деревьев фигуру и выстрелил. Короткий стон, быстрая гортанная речь. С новой силой затрещали автоматы. Срезанные ветки посыпались на него. Пятясь, он снова выстрелил. Через полянку тяжело бежали гитлеровцы. Он пригнулся и сбоку из-за куста швырнул гранату. Стрельба сразу прекратилась. И он побежал назад, не оглядываясь. Теперь он был уверен, что они спасены — девушка уже наверняка далеко, мрак в лесу сгустился. Ныр-

нул в темный сырой туннель, образованный раскидистыми ветвями, и сразу наткнулся на нее.

— Ты? Чего? Чего стоишь тут?! — с отчаянием почти закричал он.

— Вас дожидалась, — тихо сказала она.

Он хотел толкнуть ее, крикнуть, что она губит и себя и его, что, если б не она, он давно ушел бы от погони... Шум заставил его обернуться. Но он ничего не увидел — белое пламя ослепило и медленно повалило его. И лишь невыкрикнутое слово: «Уходи-и-и!..» — все текло, бесконечно растягиваясь и звеня...

Душный, пряный запах влажной листвы постепенно заполнил нос, рот, грудь так, что стало трудно дышать, и Рябов открыл глаза. У самого лица неподвижно висели большие, белые от луны листья. Тишина. Захотелось потянуться. Но едва шевельнулся, острая боль пронизала правое плечо, шею, ударила в висок. Только тогда ощутил: что-то сильно сдавило лоб, словно прижало к земле. Дотянулся до головы левой рукой — нащупал тугую, влажную повязку. Ранен! Захотел разом вскочить. Только чуть шевельнул ногами. Слабость, непреодолимая слабость во всем теле! Неужели опасно? Была вспышка... Ни удара, ни падения не помнит... Когда же он перевязал себе голову? Где он лежит?.. Мысли текли медленно, лениво. Осторожно, жмурясь от усилия, повернул голову набок, прижался щекой к росистой, прохладной траве. Перевел дыхание, поднял веки. Вздрогнул от неожиданности. В упор на него смотрели глаза, темные и блестящие на белом лице. Девчушка! Он совсем забыл о ней.

Она наклонилась над ним.

— Крови много. А так не опасно. Кость цела. Голову только задело.— Она говорила спокойно, и по голосу казалось, что слегка улыбается. Помолчав, добавила:— Они дальше по дороге пошли. Верно, в селе почуют...

— Много их? — спросил Рябов и удивился звучности своего голоса.

Она пожала плечами:

— Человек двадцать...

Несколько секунд Рябов думал о том, как мимо него, беспомощно лежавшего в траве, двигались ноги в кованых сапогах, у самой его головы, а рядом эта девочка с испуганными глазами... Когда представил себе это ясно, стало страшно.

— Давно лежу?

— Часа два. А то и больше...

Теперь он увидел, что лежит в небольшой ложбинке шагах в пятидесяти от дороги, на которой был ранен. Как же она оттащила его? Ага, под затылком колючий ворс — тащила на своем жакете. Теперь он, наверное, в крови, изодран — вконец испорчен. Почему-то это особенно тронуло. И когда он спросил: «Как тебя звать?» — голос его дрогнул.

— Катя,— сказала она.

— Нужно уходить, Катя.

Скользя ладонью левой руки по мокрому стволу осины, Рябов медленно поднялся. Правая рука оказалась подвешенной на косынке. Он выпрямился, вздохнул полной грудью. Закружилась голова, он пошатнулся. Но ощутил под левой рукой ее твердое, острое плечико. Так они и пошли рядом. Лес был пронизан серебристым лунным светом. Все кругом словно замерло. Только истерический, тревожный крик филина изредка разрывал тишину. Однажды, прислонившись спиной к дереву, он заметил, что его

бьет мелкая дрожь и подгибаются колени. Она тоже заметила и с тревогой заглянула снизу ему в лицо. Он не переносил, когда его жалели, и, отдышавшись, усмехаясь, сказал:

— Молчишь и молчишь! Признавайся, испугалась давеча, когда предложил тебе в партизаны?

Она потупилась.

— Чудачина, чего стыдиться! Видишь, какая у нас жизнь? Не всякому по нутру.

Она молчала.

Но что-то было непонятное в ее молчании, что тревожило, и он хотел услышать от нее признание.

— Ну говори же, испугалась?

— Испугалась,— наконец еле слышно прошептала она.

— Вот видишь! — даже обрадовался Рябов. — Значит, я правильно хотел тебя домой отослать!

Она с удивлением посмотрела на него, собираясь что-то сказать, но тут же закусила губу.

— Да ну тебя! Клещами из тебя тащить! — рассердился Рябов.

— Я и сейчас... все время боюсь... — пересиливая себя, проговорила она и отвернулась.

Он с любопытством, словно впервые, посмотрел на нее, и простая, до смешного очевидная мысль обожгла его. Она спасала его! Она с самого начала спасала его! Потому вернулась тогда от большака, заведя немцев. Потому не отставала от него ни на шаг, не ушла в деревню, пока он отстреливался и потом лежал раненый и беспомощный в нескольких шагах от врага. Все это время изо всех своих сил она спасала его! Он смотрел на эту маленькую фигурку, и горячая волна нежности поднималась в его груди. Ему захотелось погладить своей тяжелой,

грубой ладонью русую головку и сказать ей что-то очень душевное, очень доброе. Но он не умел. Он сказал только:

— Пойдем, Катенька!

И они опять пошли рядом, медленно обходя пни и овражки.

До просеки, по которой можно было пройти к партизанскому лагерю, оставалось всего километра два. И все же ему пришлось опуститься на землю. Он сидел, прислонившись к дереву, в полузабытии. Катя встала перед ним на колени, чтобы подбинтовать голову и плечо. Но кровь все сочилась, проступая каплями из-под витков марли. Сквозь пелену розового тумана видел Рябов ловкие пальцы Кати, прикушенную губу и упрямый блеск ее глаз.

— Катя... Катенька!..— еле бормотал он чужими, будто пьяными губами.— Оставь здесь... Дойди до лагеря... братков позови... А я полежу...

Но она схватила его за пояс, изо всех сил тянула кверху и быстро шептала:

— Нельзя, нельзя! Встаньте! Ну, пожалуйста! Милый! Голубчик! Ведь страшно здесь!.. Надо идти!

Она обхватила его и повела, напрягая все силы, чтобы удержать. Он шатался, мотая головой, и глухо, не переставая, стонал...

Солнце поднялось высоко и вскоре стало жечь. С легким треском лопалась на лице паутина. Завилась над полянками мошкара. С сосновых ветвей закапала смола, и потянуло гарью.

Рябов упал возле самой просеки, подмяв под себя правую, раненую руку. С трудом Катя перевернула его на спину. Он был без сознания. Но губы его

шевелились, и глубокая морщина змеилась между бровями — он очень страдал.

Катя попыталась тащить его дальше по просеке на своем жакете. Просека была глухой, заросшей, заваленной валежником. Голова его моталась из стороны в сторону, при каждом толчке он стонал и скрипел зубами. Он был очень тяжел, край жакета поминутно вырывался из рук, и скоро ее пальцы бессильно разжались. Она уселась рядом с ним среди колючих кустов шиповника и заплакала. От усталости и от страха.

Потом вытерла слезы и стала мастерить над ним навес из ветвей для тени. Он задремал.

Катя решила пройти дальше по просеке, ведь он говорил — партизаны где-то здесь недалеко. Может, ничего пока не случится, просека нехоженная...

И вдруг совершенно явственно услышала неподалеку голоса. Осторожно раздвинула ветви кустарника. Из леса на просеку вышли три вооруженных человека. У двух на руках белели полицейские повязки. Они постояли, совещаясь. Один из них поднял обрonnenный ею бинт, показал остальным. Те сразу всполошились, стали тревожно озираться по сторонам, сняли с плеч карабины. Они двинулись по просеке прямо на куст, за которым лежал Рябов. Катя в ужасе замерла. Они подходили все ближе...

Оттого что кто-то тормозил его, Рябов открыл глаза. Как во сне, видел он бледное Катинo лицо, сведенные брови. Она срывала с его пояса гранату. Заметив, что он открыл глаза, что-то быстро сказала ему. Но он не услышал, чуть улыбнулся ей. Потом увидел, как беспомощно, неумело вертит она в руках гранату, как с мольбой смотрит на него, о чем-то спрашивает. Смешная девчушка, что понимает она в таких грозных вещах, как граната... Вот она направляет на гранате усики, снимает кольцо... Сейчас граната взорвется у нее в руках!

— Бросай! — кричит он одними губами.

Граната взорвалась в воздухе, и осколки просвистели над ними.

Полицейские побежали назад. Остановились за деревьями. Потом быстро ушли в лес. Катя видела, как они скрылись в глубине. Она бросилась к Рябову, попыталась его поднять. Приказывала, просила, гладила его по лицу — он не слышал. Тогда, встав на колени, она положила себе на плечо его левую руку и, собрав все силы, перевалила его себе на спину. Но подняться с этой тяжестью не смогла. И она поползла на локтях и коленях, сдирая в кровь кожу, задыхаясь, переваливаясь через коряги, трухлявые пни. Она падала лицом в сырую землю, в болото, в

крапиву и снова поднималась и ползла, глотая пот, слезы, грязь, струящиеся по лицу, ползла, ползла...

На взрыв гранаты по просеке бежали партизаны.

И когда Рябова подняли и понесли, он все искал кого-то глазами. Человек в кубанке с красной лентой наклонился над ним.

— Катя... Катя где?.. — чуть слышно спросил Рябов.

— Девочка, что ли? — переспросил партизан.

— Фельдшера я привел в отряд. Фельдшер она... — говорил Рябов, и ему казалось, что товарищ не понимает главного.

— Ну, брат, кто кого привел! — пошутил партизан. — Она ж тебя на закорках принесла! Здесь, здесь, не тревожься. — И он указал на Катю, которая, устало ссутулившись, шагала в партизанском строю.

Кто из тех, чьи подвиги удивляли человечество, не ведал страха?! Милый мой мальчик, мужество не в том, чтобы не испытывать страха. Мужество в том, чтобы действовать, несмотря на страх, вопреки страху.

***О чем говорил
мальчик***

*Видите, видите, какой я...
Наверно, героем нужно ро-
диться!*

ПРОЩАНИЕ

Мне кажется, я ответил на твои вопросы. Но прошел уже год со дня нашей встречи. Ты вырос, возмужал, и, конечно, у тебя появилось столько же новых сомнений и недоумений. И в будущем году их возникнет так же много. Даже когда ты станешь совсем взрослым и мальчишки и девчонки будут спрашивать тебя о жизни, сам ты в это время будешь ломать голову над новыми задачами, которые встанут перед тобой.

Не ищи в этой книжке ответа на все случаи. Я советую тебе запомнить самое главное: когда ты будешь оценивать свои поступки и выбирать решение, чтобы не ошибиться, ответь себе честно, из самой глубины души: ради кого ты это делаешь?

Ради одного себя или ради товарищей.

Ради одного себя или ради Родины.

Ради одного себя или ради счастья всех, кто трудится на земле.

И ты поступишь правильно. Так же, как те, о ком я рассказывал.

И в час Испытания, час, неизбежный в жизни каждого человека, ты будешь героем, мой мальчик!

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТРЕЧА	3	СПОРТ	43
<i>О чем говорил мальчик</i>	6	<i>О чем говорил мальчик</i>	60
ГРИША	7	ПЕРВАЯ ТРУБКА . .	61
<i>О чем говорил мальчик</i>	16	<i>О чем говорил мальчик</i>	68
ГЕРОИ	17	МУЖЕСТВО	69
<i>О чем говорил мальчик</i>	26	<i>О чем говорил мальчик</i>	80
СЕРЕЖА	27	КАТЯ	81
<i>О чем говорил мальчик</i>	42	<i>О чем говорил мальчик</i>	92
		ПРОЩАНИЕ	93

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Альберт Вениаминович Цессарский

О ЧЕМ ГОВОРИЛ МАЛЬЧИК

Ответственный редактор *И. Ф. Скороходова*. Художественный редактор *В. А. Горячева*. Технический редактор *Г. Е. Гафт*. Корректоры *В. И. Дод* и *Г. С. Муковозова*. Сдано в набор 9/XII 1973 г. Подписано к печати 26/II 1974 г. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 3,88. Тираж 150 000 экз. Заказ № 1504. Цена 27 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Суцеский вал, 49.

Цессарский А. В.

Ц49 **О чем говорил мальчик. Рассказы. Рис. Л. Рубинштейна. М., «Дет. лит.», 1974.**

96 с. с ил.

Человек делает свой характер сам — вот основная мысль книги. Автор — участник Великой Отечественной войны — был врачом в партизанском отряде Д. Н. Медведова.

Цена 27 коп.

А. ЦЕССАРСКИЙ

О чем ГОВОРИЛ МАЛЬЧИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“